

УДК 902.01

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-3-3-51

ЛЕПНАЯ ПОСУДА МОГИЛЬНИКА АЛМАЛЫК-ДЕРЕ

Власов В. П.

*Институт археологии Крыма РАН
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vlasov_vladimir@mail.ru.*

Набоков А. И.

*Институт археологии Крыма РАН
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: artur-nabokov@rambler.ru*

Охарактеризована лепная посуда могильника IV – VII вв. н.э. Алмалык-дере, расположенного в Юго-Западном Крыму. Сравнительно-типологический анализ данной группы археологических находок, в целом, демонстрирует ее общее культурное единство с лепной посудой из других крымских могильников позднеантичного и раннесредневекового времени, при наличии определенных отличий. Общие черты проявляются в технике и технологии производства лепных изделий, а также в составе и структуре керамического комплекса, а отличия – в морфологии и орнаментации сосудов. Изучение алмалыкской лепной посуды позволяет говорить, что возникновение могильника связано с приходом в юго-западную Таврику нового варварского населения, состоявшего из численно преобладавших аланов, а также германцев и, возможно, какой-то групп боспорян и поздних скифов.

Ключевые слова: Крым, лепная посуда, позднеантичное время, раннее средневековье, аланы, германцы, боспоряне, поздние скифы.

Могильник Алмалык-дере расположен в юго-западной части Крымского полуострова, на территории Красномакского сельского поселения Бахчисарайского района, в 2-х км к юго-востоку от с. Ходжа-Сала, в одноименной балке. Он занимает основание юго-восточного склона Мангупского плато (высота – 325-375 м над уровнем моря) общей площадью около 7 га (рис. 1). Местонахождение здесь раннесредневекового могильника еще в 1933 г. предполагал Н. И. Репников, однако поисковые работы, предпринятые спустя 5 лет сотрудниками Мангупской экспедиции во главе с Е. В. Веймарном, не дали положительных результатов. В 7-ми заложенных разведочных траншеях погребальные сооружения отсутствовали, а в 2-х других были открыты 3 могилы мусульманского кладбища XV в. [17, с. 420, сн. 1].

Выявление в балке Алмалык-дере склепов и первые раскопки 3-х из них, частично разрушенных и разграбленных с «незначительными находками VII – VIII вв.», в 1940 г. осуществили сотрудники совместной Крымской экспедиции ИИМК АН СССР, ГИМ и Музея пещерных городов под общим руководством

Н. И. Репникова¹. Повторно могильник у поворота грунтовой дороги в балку Алмалык-дере был открыт в ходе разведок, проводившихся в 1948 г. сотрудниками горного отряда Тавро-скифской экспедиции ГМИИ и ИИМК АН СССР во главе с П. Н. Шульцем [110, р. 25, 28].

В 1978 г. на могильнике в балке Алмалык-дере был обнаружен и зачищен еще один ограбленный склеп, рядом с которым в зарослях кустарников наблюдалось много характерных почвенных просадок и провалов [20, с. 27–28; 77, с. 183].

Обследования, позволившие определить по просевшим сводам склепов примерные границы древнего кладбища, а также раскопки 5-ти погребальных сооружений, датированных VII – VIII вв., на восточном (нижнем) участке памятника в средней части балки предпринял в 1982 г. В. А. Сидоренко [86, с. 329–330].

С середины 1990-х гг. могильник Алмалык-дере подвергался масштабному разграблению, поэтому в 1996 г. сотрудники Мангупской археологической экспедиции СГУ (ныне – КФУ имени В. И. Вернадского) под руководством А. Г. Герцена приступили к его систематическим спасательным раскопкам, которые длились до 2013 г. Полевые работы (археологические, геофизические и топографические) возобновились на памятнике в 2019 г. [38, с. 113–115].

На территории Алмалыкского могильника зафиксировано 267 погребальных сооружений, из которых 159 изучено археологически: 120 склепов, 27 подбойных могил, 4 могилы с заплечиками, 6 простых могил (3 – с конскими захоронениями), 1 Т-образная могила и 1 безынвентарная кремация в яме. Частично результаты изучения памятника, открытые объекты и полученные археологические материалы отражены в статьях и тезисах докладов [111; 44; 45; 46; 47; 110; 48; 114; 115; 112; 36, с. 175–234; 37, с. 113–115; 80; 81; 78; 77; 79], а также в коллективной монографии [115]. Монографическое издание, получившее положительный отзыв рецензентов [50], посвящено общей характеристике могильника и публикации материалов из раскопок 1996–2008 гг.

На данном этапе важное значение приобретает необходимость систематизации как уже опубликованных, так и еще неизданных археологических находок, обнаруженных при исследовании памятника. В рамках работы по введению в научный оборот и вещеведческому анализу отдельных групп артефактов, подготовлена и данная статья. Ее цель – охарактеризовать лепную посуду (далее – ЛП), использовавшуюся в качестве поминально-погребального инвентаря могильника Алмалык, с последующей интерпретацией полученных данных².

¹ Держателем открытого листа на проведение археологических исследований в Куйбышевском районе и руководителем работ в урочище Алмалык являлся старший научный сотрудник ГИМ Е. В. Веймарн [85, с. 152, сн. 1].

² За возможность публикации ЛП из могильника Алмалык-дере, ценные советы, рекомендации и замечания авторы искренне признательны Александру Германовичу Герцену (к.и.н., зав. кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» КФУ имени В. И. Вернадского) и Валерию Евгеньевичу Науменко (к.и.н., доценту кафедры археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия», и.о. декана исторического факультета КФУ имени В. И. Вернадского).

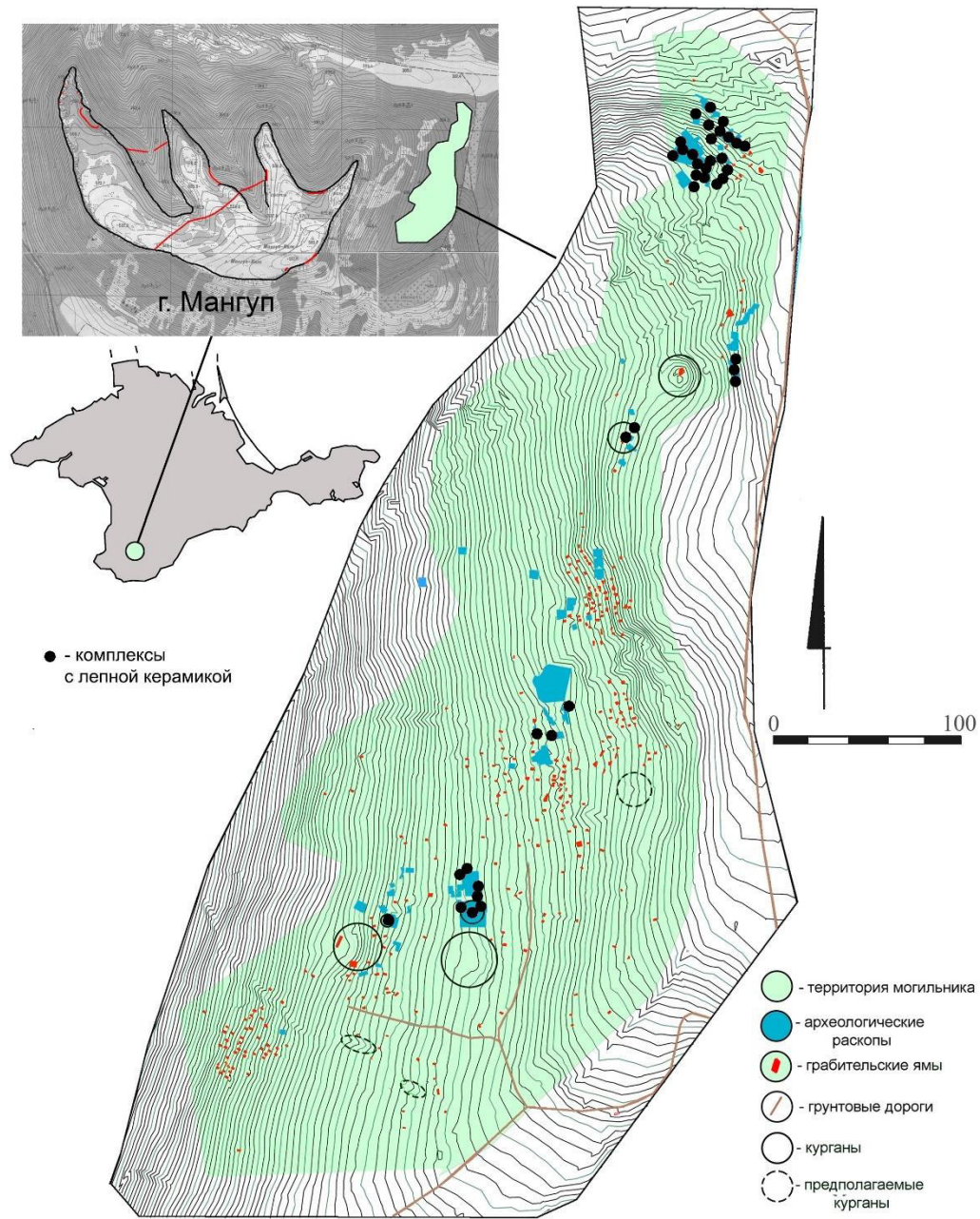

Рис. 1. Местоположение могильника Алмалык-дере и места обнаружения ЛП на его территории

При подготовке статьи учтена ЛП, обнаруженная за все годы исследований археологических объектов и стратиграфических контекстов памятника, а также случайные находки и подъемный материал (рис. 1). Среди общей массы керамических сосудов могильника Алмалык-дере (205 экз./100%), лепные численно преобладают (137 экз./66,8%). Гончарная продукция (68 экз./33,2%) представлена краснолаковыми позднеантичными (56 экз./27,3%) и сероглиняными черняховского облика (3 экз./1,45%) сосудами, а также амфорами (9 экз./4,45%). В исходный для классификации массив отобрано 115 лепных экземпляров (целые, археологически целые и реконструированные), которые позволяют получить представление о функциональном назначении и типологической принадлежности сосудов.

Специальные лабораторные анализы ЛП не проводились, но при визуальном осмотре поверхности и сколов стенок в составе ее формовочной массы, помимо глины, выделяются песок с включениями дресвы, шамота и большого количества измельченных раковин моллюсков. Шамот, дресва и ракушка, несомненно, являлись искусственными отошителями, а песок мог быть и природной примесью в исходном глиняном сырье.

Какой-то конкретный способ выделки ЛП определить сложно. Судя по характеру растрескивания целых сосудов, при их изготовлении использовалась техника ленточной кольцевой или спиральной лепки, а формы небольших размеров могли формировать путем проминки и выдавливания из цельного куска глиняной массы. Сосуды биконической формы, в частности кувшины, изготавливали отдельными частями – расширяющаяся нижняя (придонная) часть тулова, сужающаяся верхняя (плечи) и горло, которые затем соединяли вместе. Также отдельно к уже сформованным изделиям прикреплялись ручки.

Многие сосуды сделаны достаточно тщательно и аккуратно, но немало таких, которые отличаются небрежной выделкой и асимметричностью. Судя по отпечаткам на доньях ряда экземпляров, их формовка производилась на какой-то твердой основе, на которую для предотвращения прилипания сосудов к рабочей поверхности и обеспечения их поворачиваемости вокруг своей оси, насыпался песок. Последующая подправка или заглаживание изготовленных вручную сосудов на т.н. «медленном (ручном) гончарном круге» (поворотная подставка или поворотный столик), принимая во внимание отсутствие на поверхности их стенок характерных горизонтальных борозд и полос-расчесов, не использовалась.

Большинство изделий имеет лощение, в основном, внешнее, но иногда и внутреннее, выполненное с разной степенью тщательности. По способу обработки поверхности стенок сосудов выделены 3 технологические группы (ТГ): 1 ТГ – лощеная; 2 ТГ – подлощенная; 3 ТГ – заглаженная. К лощеной относятся изделия с гладкой блестящей поверхностью, к подлощенной – с гладкой, но без блеска, к заглаженной – все прочие. Основная часть сосудов равномерно обожжена и имеет однотонный желтый, оранжевый, коричневый, серый или чёрный цвет, реже встречаются изделия с пятнистой, главным образом, серой, чёрной и коричневой с оттенками поверхностью. Видимо, использовался,

среднетемпературный режим обжига ЛП (700-850°C) на открытом огне – в костре или в яме.

При систематизации алмалыкской ЛП использована разработанная одним из авторов данной статьи и неоднократно применявшаяся морфологическая классификация [24, с. 322–323, 329–331, 344, 349], адаптированная к изучению конкретного материала. Она основана на учете сходства и отличия формы (абриса) сосудов [70, с. 115; 51, с. 18], которая неразрывно связана с их культурной и пространственно-временной принадлежностью.

Общая структура классификационной схемы такова. В соответствии с функциональным назначением, ЛП из Алмалыка разделена на **категории**, внутри которых она распределяется по **типам**. С учетом количества частей перегиба профиля (конструкции), мисковидные сосуды дополнительно распределены по **видам** (одно-, двух- и трехчастные)¹. Для разных категорий посуды типобразующие признаки могут быть общими, а могут не совпадать, поэтому типы выделены по наиболее изменчивым признакам, а **варианты** – по наиболее статичным. Так, у мисковидных сосудов (миски, солонки, ковш) наиболее изменчивой является верхняя часть (края), тогда как форма их тулова сводится к полусфере и усеченному конусу.

Типы горшковидных сосудов (горшки, кубки, кружки, кувшины) выделены по форме тулова, пропорции которого могут образовывать **подтипы** (приземистое, средних пропорций, вытянутое). Варианты типов выделяются по особенностям морфологии горла (расширяющееся гиперболоидное (дуговидное), расширяющееся усеченно-коническое, цилиндрическое, цилиндрическое с отгнутым венчиком, сужающееся усеченно-коническое с отогнутым венчиком). В категории кувшинов дополнительно еще учтен признак относительной высоты горла (низкое, средней высоты, высокое).

Алмалыкская ЛП репрезентована 7-ю категориями. Наиболее многочисленны в структуре комплекса миски (38 экз./33,5%), за которыми следуют кружки (26 экз./22,5%), кувшины (22 экз./19%), кубки (17 экз./14,65%), горшки (9 экз./7,75%), солонки (2 экз./1,75%) и ковш (1 экз./0,85%). Все образцы ЛП из Алмалык-дере плоскодонные. Дно, почти всегда невыделенное, соединяющееся со стенками нижней (придонной) части тулова сосуда под тупым углом², редко дно бывает выделенное – на сплошном поддоне различной степени выраженности (1 кружка, 3 кувшина, 1 кубок), иногда с выступающим рантом-закраиной (2 миски). Донья 5-ти экземпляров (3 миски, 1 кружка, 1 кувшин) снабжены кольцевым поддоном. Сведения об иных конструктивных деталях, а также о степени обработки поверхности стенок и декоре сосудов приводятся при описании выделенных морфологических типов.

¹ Виды конструкции сосудов, их абрисы, используемые в классификации морфометрические параметры, а также выделяемые в структуре сосудов составные части приведены на рис. 2.

² При описании сосудов данная характеристика, во избежание частых повторов, не приводится.

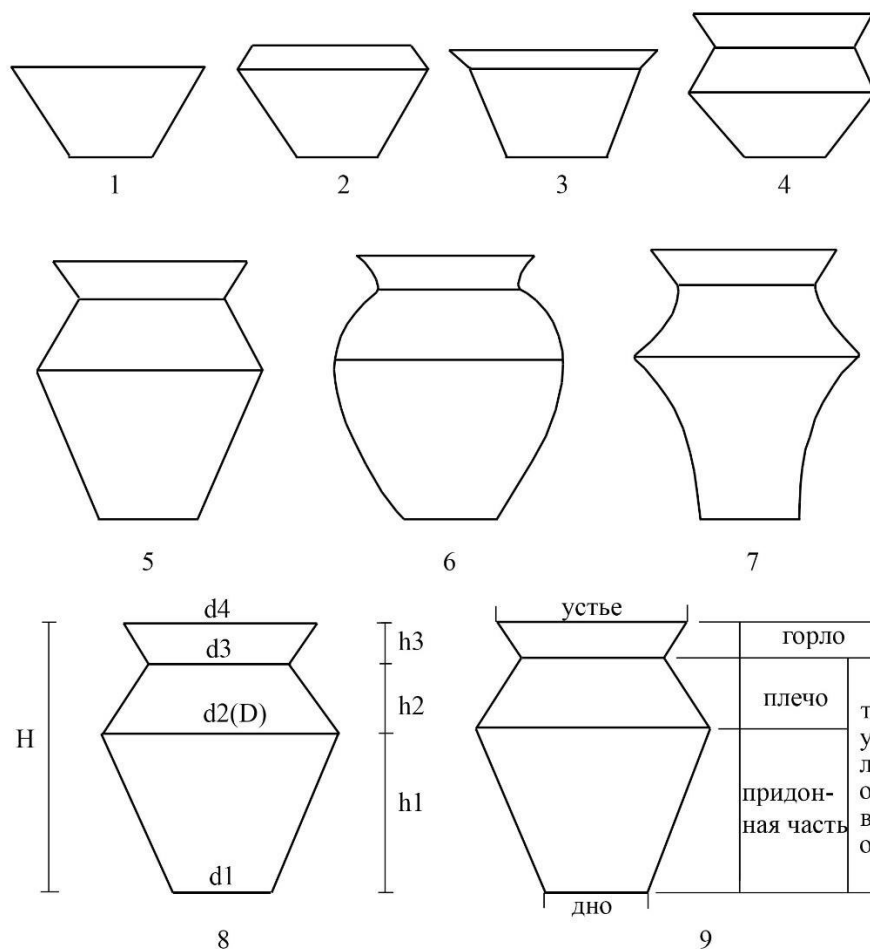

Рис. 2. Виды конструкции сосудов (1-4), отличающиеся абрисы сосудов одинаковой конструкции (5-7), используемые в классификации морфометрические параметры сосудов (8), выделяемые в структуре целого сосуда составные части (9)

Могильник Алмалык-дере, в целом, функционировал с IV по VII вв., а сопоставление датирующих находок, позволяет выделить 4 хронологические фазы его существования от закладки кладбища до прекращения использования: 1-я фаза – вторая половина / конец IV – первая половина V вв.; 2-я фаза – вторая половина V – первая половина VI вв.; 3-я фаза – вторая половина VI – первая треть VII вв.; 4-я фаза – VII в. [79, с. 186–188]. Почти вся проанализированная ЛП (111 экз.) относится к 1-й хронологической фазе и только 4 сосуда из склепа № 57/1997 – к концу 2-й или к началу 3-й фазы (середина VI в.).

Мисковидные сосуды (41 экз.)

Миски (38 экз.)

К мискам отнесены сосуды, характеризующиеся следующими параметрами: d устья ≥ 9 см; $H \geq 5$ см; $0,25 < H/d$ устья $\leq 0,75$. По пропорциям выделяются мелкие ($0,25 < H/d$ устья $\leq 0,5$) и глубокие ($0,5 < H/d$ устья $\leq 0,75$) миски. С учетом количества частей перегиба профиля миски распределяются по видам: одно-, двух- и трехчастные. Одно- и двухчастные миски сгруппированы в типы с учетом направленности их краев, а типы трехчастных мисок выделены по форме тулова.

Вид. Одночастные.

Тип 1 (20 экз.). С расходящимися краями. Внутри типа выделено 2 варианта (А и В), но, поскольку отличия между ними иногда трудноуловимы, это деление носит условный характер.

Вариант А (8 экз.). С полусферическим туловом (рис. 3). Представлен изделиями 1 ТГ из склепов №№ 5/2001, 6/2001, 7/2002, 155/2003, 159/2003, 160/2003, 162/2003, 183/2006.

Вариант В (12 экз.). С усеченно-коническим туловом (рис. 4). Представлен изделиями 1 ТГ из склепов №№ 6/2001, 57/1997 (2 экз. с выделенными в виде ранта доньями), 160/2003 (2 экз.), 162/2003, 163/2004, 182/2006, 185/2006 (2 экз.), 186/2006 (на кольцевом поддоне), 207/2019.

Оба варианта мисок типа 1 не обладают какой-либо этнокультурной спецификой. Они являлись, пожалуй, самой распространенной формой посуды, известной на памятниках разных археологических культур обширных территорий, включая Крым, с эпохи бронзы до раннего средневековья [22, с. 237–238; 23, с. 324–325].

Без учета херсонесских [95], боспорских, кизил-кобинских, ранне- и позднескифских находок, аналогии алмалыкским мискам типа 1 широко представлены в крымских могильниках позднееримского – раннесредневекового времени центральной, юго-западной и южной частей полуострова.

Миски варианта А помещали в могилы IV в. н.э. некрополей Курское [96, с. 38–39 рис. 2А, 2, 4, 7, 9], Карасу-Баши, Отар-Кой, Розенталь (Ароматное) [107, с. 269, 280, 282, 286, рис. 3, 15; 11, 2, 3, 5; 13, 2], Нейзац [101, с. 172, 177, рис. 2, 7, 11; 8, 8], Дружное [24, с. 324, рис. 1: 1–3; 98, с. 24–25, 30, 33, 35, рис. 125: 1, 4, 8, 9; 159: 4, 9; 191: 2], Перевальное [28, с. 89,], Черная речка, Мангуш [41, с. 30, табл. 52, 15, 17, 18], Озерное III [67, с. 243, 251, рис. 5, 12], Совхоз 10 [32, с. 256, 266, рис. 3, 14], Чатыр-Даг [76, с. 215, рис. 118, 4], а также конца IV – начала V вв. Красного Мака [68, с. 193, 196, 198, 200, 204, 206, рис. 2, 4; 5, 2; 7, 2; 10, 3; 15, 1; 17, 1; табл. I, 25–28, 30, 36], Фронтного 3 [94, с. 68–69, рис. 1, 1, 5, 8, 13, 23] и Килен-Балки [82, с. 301, рис. 3: 6]. Сосуды V – VI вв. происходят из Скалистинского могильника [21, с. 11, 121, 126, 193, рис. 4, 11, 17; 89, 12; 92, 12].

Практически во всех перечисленных выше некрополях встречены и миски варианта В: Курское [96, с. 38–39, рис. 2А, 3, 6, 11, 15], Карасу-Баши, Отар-Кой, Розенталь (Ароматное) [107, с. 269, 273, 280, 286, рис. 3, 13, 14, 16; 5, 3; 10, 3–7; 13,

1], Нейзац [34, с. 78, 79, рис. 5, 3; 98, с. 177, рис. 8, 2, 4], Дружное [4, с. 92, рис. 21, 4, 5; 101, с. 256, рис. 148, 8, 9; 150, 5; 105, с. 250, рис. 6, 2, 3; 8, 1; 23, с. 324, рис. 1: 4-6; 99, с. 24-25, 30, 33, 35, рис. 125: 2, 3, 5-7, 12-17; 159: 3, 5-8, 11; 178: 3], Перевальное [28, с. 89-90, рис. 3, 4], Совхоз 10 [32, с. 260, 266, 271, рис. 3, 13, 16], Суворово [42, с. 108, рис. 60], Красный Мак [68, с. 196, 199, 204, 205, 206, рис. 5, 3, 6; 9, 3; 15, 5; 16, 2, 3; 17, 2; табл. I, 18-24, 29, 32], Фронтное 3 [94, с. 68, рис. 1, 2, 3, 5-7, 9-14, 16], Черная речка [41, с. 29-30, табл. 52, 11, 14, 16], Лучистое [6, с. 276, 289, рис. 4, 16; 18, 1]. В Скалистинском могильнике миски варианта В известны и в более поздних погребениях – VII – VIII вв. [21, с. 6, 13, 20, 32, 56, 75, 78, 95, 101, 107, 125, 137, 156, 193, рис. 3, 24; 5, 3, 29; 9, 2; 18, 37; 34, 20; 52, 7; 54, 1; 66, 27; 74, 7; 76, 24; 90, 21, 27; 102, 3; 116, 3].

Рис. 3. Миски. 1-8 – тип I, вариант А

Как видно, миски из склепа середины VI в. № 57/1997 Алмалыка (рис. 4, 11, 12) занимают промежуточное хронологическое положение между сосудами позднеримского времени и самыми поздними экземплярами из Скалистого. Обращает на себя внимание необычное оформление доньев этих мисок, ни разу больше не встреченное на других сосудах могильника. Может быть, это связано с появлением здесь в указанное время какого-то нового населения с несколько иными керамическими традициями.

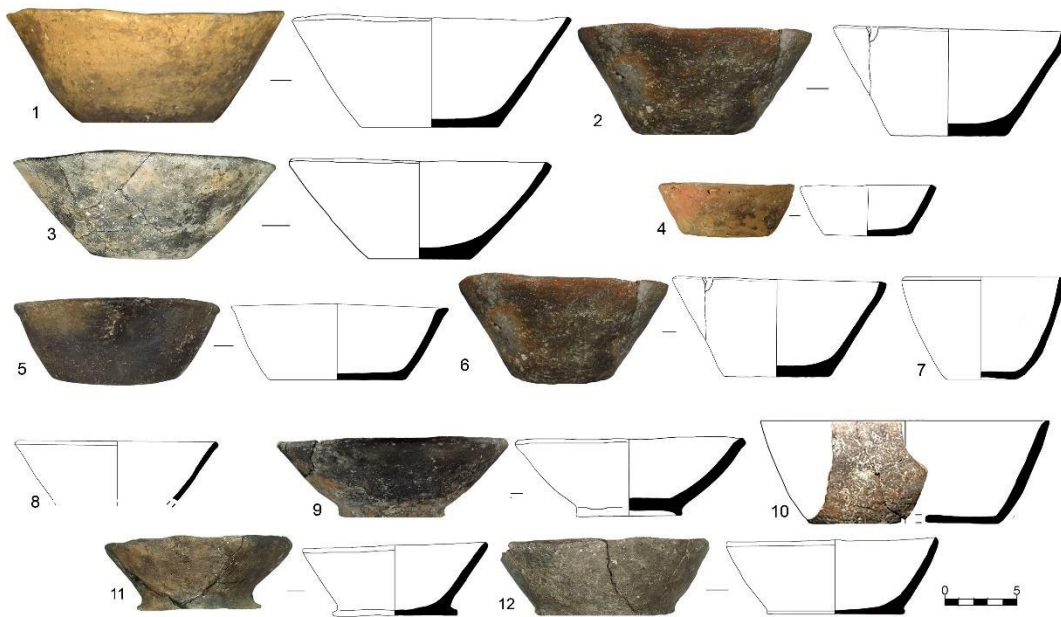

Рис. 4. Миски. 1-12 – тип 1, вариант В

Тип 2 (5 экз.). С вертикальными краями.

Вариант А (3 экз.). С полусферическим туловом (рис. 5, 1–3). Представлен изделиями 1 ТГ из склепов №№ 157/2003 (2 экз.) и 160/2003.

Вариант В (2 экз.). С усеченно-коническим туловом (рис. 5, 4, 5). Представлены изделиями 1 и 2 ТГ из склепов №№ 162/2003 и 188/2006.

В целом, также можно констатировать культурную «нейтральность» мисок данного типа [22]. В Крыму миски варианта А бытовали, главным образом, в раннем железном веке: в кизил-кобинской культуре [55, с. 38, 42, рис. 17, 3; 19, 12; 26, 23, 25; 59, с. 26–27, табл. 24, 1, 3, 4, 7; 26, 1, 3; 102, с. 10, рис. 5, 6, 7], на Боспоре, в слоях и комплексах III – II вв. до н.э. – середины III – IV вв. н.э. [64, с. 88, табл. I, 30; 60, с. 37, рис. 29, 6; 50, с. 39, 62, 94, 96, табл. V, 3; XIV, 9; XXXVI, 3; XXXVIII, 6; 72, с. 182, рис. 6, 18, 20; 73, с. 14, рис. 20, 1], а также на позднескифских поселениях с рубежа эр по II – III вв. н.э. [41, с. 16, 18, 19, табл. 13, 5, 7, 8; 16, 16; 22, 12, 13; 24, 2; 21, с. 239–240, табл. IV, 1, 3–8].

В последующем такие миски единичны. В позднеримское время и раннее средневековье они присутствовали в погребениях могильников Карасу-Баши [107, с. 269, рис. 3, 11, 12], Нейзац, Мангуш [41, с. 30, табл. 52, 19], Танковое [22, с. 82, рис. 2, 16], Сувлу-Кая [29, рис. 7, 13], Скалистинский [21, с. 10, 193, рис. 4, 3] и Красный Мак [68, с. 198, рис. 8, 2; табл. I, 31].

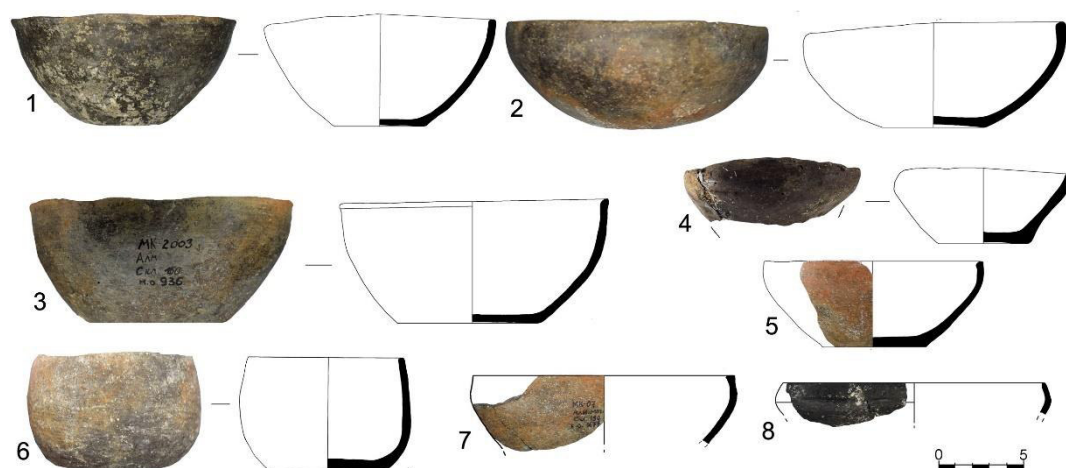

Рис. 5. Миски. 1-5 – тип 2 (1-3 – вариант А; 4, 5 – вариант В); 6 – тип 3; 7, 8 – тип 4

Аналоги мискам варианта В, датирующиеся III – II вв. до н.э. – II – III вв. н.э., сосредоточены на Боспоре (некрополи Стоячий камень, Золотое, Ново-Отрадное, поселение Семеновка) [73, с. 49, 51, рис. 19, 11; 58, с. 110, 111, табл. XI, 16; XLIII, 7; 11, с. 97, 137, табл. 17, 7; 62, рис. 32, 10; 63, с. 51, рис. 41, 7] и на поселениях поздних скифов (Неаполь, Тарпанчи, Булганакское) [41, с. 16, 18, табл. 11, 14; 24, 1; 23, с. 240, табл. IV, 9, 10]. Кроме Алмалыка, в других однокультурных могильниках, судя по опубликованным находкам, усеченно-конические миски типа 2 (во фрагментах) еще представлены в склепе Карасу-Баши [107, с. 269, рис. 3, 17, 18].

Вид. Двухчастные.

Тип 3 (1 экз.). Глубокие, с плавно загнутыми краями и полусферическим туловом. Представлен чашевидным сосудом 2 ТГ из склепа № 182/2006 (рис. 5, 6).

Отметим редкость данной формы, поскольку миски с такой профилировкой краев, обычно, имеют больший диаметр устья и приземистые пропорции [23, с. 249–251]. Точных аналогий алмалыкскому экземпляру отыскать не удалось, но сходство с ним обнаруживают сосуды IV в. н.э. из могильников Перевальное [28, с. 90, рис. 3, 5] и Фронтное 3 [94, с. 69, рис. 1, 22], а также второй половины IV – V вв. из Сувлук-Кая [29, 2023, с. 213, рис. 7, 18] и Совхоза 10 [32, с. 262, 266, рис. 3, 18]

Тип 4 (2 экз.). С резко загнутыми прямыми краями и полусферическим или усеченно-коническим туловом, разделенными острым или сглаженным ребром. Представлен фрагментами верхних частей сосудов 1 ТГ из склепов №№ 2/2001 (рис. 5, 8) и 190/2007 (рис. 5, 7).

Мискам нашего типа 4 в Крыму соответствуют боспорские изделия архаического и эллинистического времени, а также позднескифские римского

времени [22, с. 251–252]. Учитывая отсутствие раннескифских прототипов, весьма вероятно, что на памятниках поздних скифов миски с резко загнутыми краями, которые появились не ранее I в. до н.э., могли быть подражаниями таким же по форме античным гончарным, например, краснолаковым сосудам. Возможно, их лепными имитациями являлись и довольно редкие изделия IV в. н.э. из погребений могильников Отар-Кой [107, с. 280, рис. 10, 23], Дружное [102, с. 256, рис. 150: 1; 23, с. 325, рис. 1: 9; 99, с. 18, 37, 65, рис. 83: 3; 212: 1], Нейзац, Сувлу-Кая [29, с. 214, рис. 7, 17] и Инкерман [18, с. 232, рис. 14, справа; 19, с. 32, 40, рис. 7, 21, 22].

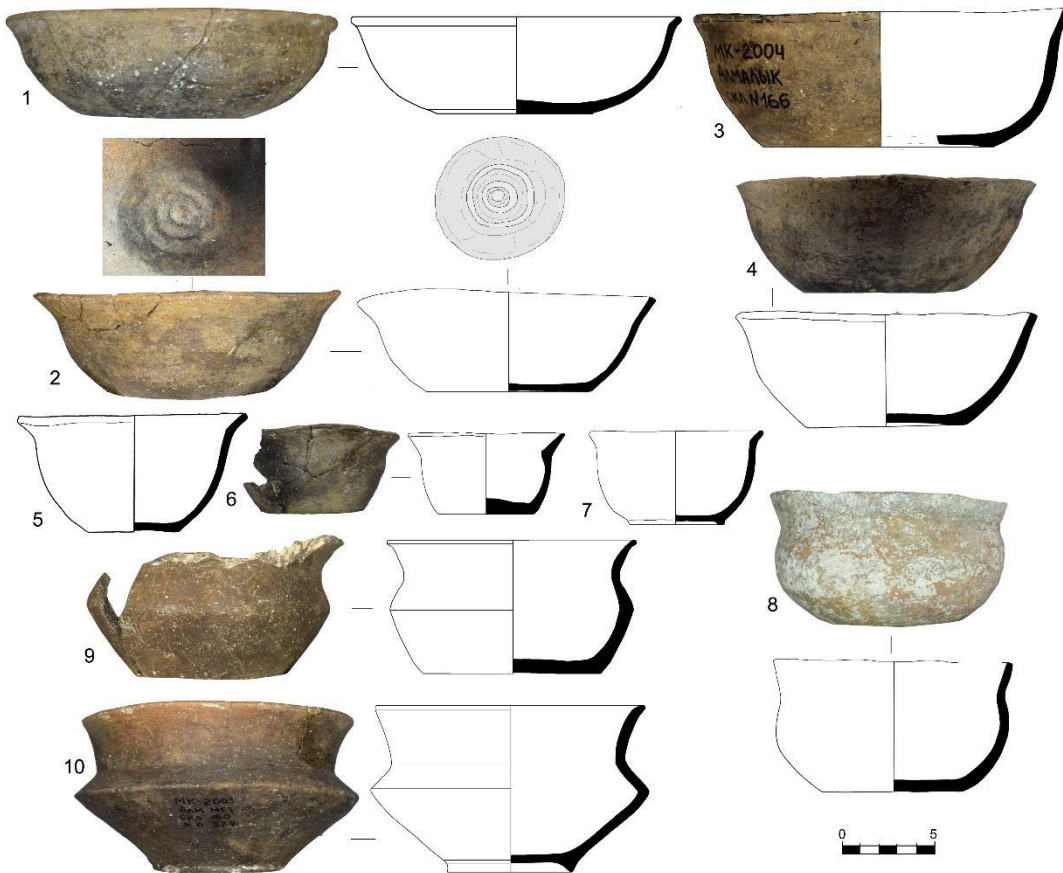

Рис. 6. Миски. 1-4 – тип 5; 5-7 – тип 6; 8 – тип 7; 9-10 – тип 8

Тип 5 (4 экз.). С отогнутыми краями и полусферическим туловом (рис. 6, 1–4). Представлен мелкими сосудами 1 ТГ, имеющими слабо выраженные края, плавно соединяющиеся со стенками тулова, из склепов №№ 65/1998, 158/2003, 166/2004, 186/2006.

Миски данного типа, правда, иногда с заметной вариабельностью профилировки и пропорций, известны в обширном ареале. В Крыму они были многочисленны у поздних скифов и на Боспоре [23, с. 243, табл. IV, 11–17]. Отличающиеся от позднескифских меньшей глубиной и большей стандартизованностью, такие миски найдены в могильниках Курское [96, с. 38–39, рис. 2А, 5, 13, 14], Нейзац [101, с. 172, 177, рис. 2, 9; 8, 6], Дружное [24, с. 325, рис. 1: 11, 12; 99, с. 16, 18, 21, 35–36, 65, рис. 74: 7; 85: 2; 106: 2; 191: 3, 4; 192: 8; 199: 7], Сувлу-Кая [29, рис. 7, 14], Красный Мак [68, с. 205, 207, рис. 16, 1; табл. I, 33], Совхоз 10 [32, с. 260, 266, рис. 3, 15] и Инкерман [19, с. 37, рис. 7, 23].

Одна алмалыкская миска из склепа № 158/2003, являющаяся единственной в коллекции, примечательна тем, что на внутренней поверхности ее дна расположены образованные валиками концентрические окружности (рис. 6, 2). Таким же образом и еще в виде рельефных спиралей оформлены внутренние поверхности доньев 4-х мисок, правда, иных типов, из могильника Дружное [24, с. 324, рис. 1: 3; 99, с. 65, рис. 127: 2, 7, 8; 159: 4]. Помимо Дружного находки лепных мисок с рельефными концентрическими окружностями на дне известны на могильнике Нейзац (раскопки И.Н. Храпунова). Спиральный налеп, такой же, как и у друженских мисок, но на нижней поверхности дна, встречен на обломке сосуда из поселения позднеримского времени в Польше [112, I, s. 74, tabl. LXXVIII, 13].

По всей видимости, рельефная поверхность доньев получалась в процессе производства сосудов, в том случае, когда дно изготовлялось из глиняных жгутов способом кольцевого или спирального горизонтального налепа. Следует отметить редкость использования такой техники формовки доньев, которые, обычно, лепились из цельного куска формовочной массы в виде плоского диска. В этом можно усматривать проявление керамических традиций северо-западных культур, которые отражают присутствие на полуострове их носителей – германцев. Предполагая генезис мисок нашего типа 5, нельзя исключать, что они повторяли, иногда в упрощенном виде (без кольцевого поддона), форму аналогичных краснолаковых сосудов, широко распространившихся в первые века н.э.

Тип 6 (3 экз.). С отогнутыми краями и полусферическим туловом (рис. 6, 5–7). Представлен глубокими сосудами I ТГ, которые по формальным признакам отнесены к одному типу, однако каждый из них обладает индивидуальными особенностями.

Две первые миски из склепа № 161/2003 (рис. 6, 5) и из грабительского отвала (рис. 6, 6) сближают четко выраженные края и невыделенное дно. При этом вторая миска является единственной в коллекции, которая имеет четко выраженное ребро-закраину с внутренней стороны в месте перехода тулова к краям (рис. 6, 6). Подобная деталь, отмеченная как на лепных, так и на гончарных сосудах разных категорий (горшки, кастрюли, миски), как считается, служила упором для крышки.

Третью миску из склепа № 65/1998 отличают слабо выраженные края и дно на кольцевом поддоне (рис. 6, 7).

Морфологически однородные сосуды с III в. до н.э. по II – III вв. н.э. изготовлялись населением Боспорского царства [9, с. 176, 185, табл. II, 8; X, 12; 51,

с. 39, 62, табл. IV, 3, 7; XIV, 5] и поздними скифами [41, с. 19, табл. 27, 17; 23, с. 243–245, табл. IV, 23–25; 65, с. 173, рис. 96, 3]. Отдельно укажем значительно более ранние, но довольно точные параллели алмалыкской миске с закраиной (рис. 6, б) среди ЛП I в. до н.э. – I в. н.э. позднескифского Булганакского городища [23, с. 243, табл. IV, 12, 18].

В позднеримское время такие миски редки. Одна присутствовала в подбойной могиле середины – второй половины III в. н.э. № 9 (35) Чернореченского могильника [13, с. 98, табл. V, 13; X, 1; 106, с. 168, 172, 187–188, рис. 3, 3; 6, 5], три – в скоплениях посуды и в склепе IV в. н.э. Дружного [24, с. 326, рис. 1: 17, 18; 99, с. 35, 65, рис. 127: 4; 129: 2; 192: 3].

Авторы статьи, посвященной переизданию материалов чернореченской могилы № 9 (35), указали на связь ряда находок из нее с позднескифской культурной традицией [106, с. 187]. Разделяя данное мнение, полагаем, что миски нашего типа б из некрополей Черная речка, Дружное и Алмалык, следует расценивать как «вклад» поздних скифов в материальную культуру полиэтничного населения Крыма позднеримского времени. Для миски с кольцевым поддоном, очень похожей на некоторые краснолаковые чаши [107, с. 273, рис. 6, 8], более вероятно античное влияние.

Вид. Трехчастные.

Тип 7 (1 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости и отогнутыми краями. Представлен сосудом 3 ТГ из подбойной могилы № 33/2006 (рис. 6, 8).

Редкая форма, крымские аналоги которой известны в грунтовой могиле № 48 Дружного [24, с. 327, рис. 2: 7; 99, с. 26, 66, рис. 131: 4] и в склепе 10 Красного Мака [68, с. 201, 207, рис. 12, 7; табл. I, 34]. Из однотипных неорнаментированных изделий за пределами полуострова укажем сосуд из черняховского поселения Афанасьевка в Побужье [69, с. 49–50, рис. 20, 3]. Среди материалов других памятников интересующего нас времени такие миски неизвестны. Данные факты, в дополнение к тому, что наш тип 7 не представлен у поздних скифов, дает основания связывать его появление в Крыму с проникновением элементов культур северо-западного круга вместе с их носителями – германцами.

Тип 8 (2 экз.). С расширенным в верхней части биконическим туловом (плечи отделены от придонной части острым ребром) и отогнутыми краями. Представлен сосудами 1 ТГ с невыделенным дном из траншеи № 2/2005 (рис. 6, 9) и на кольцевом поддоне из склепа № 159/2003 (рис. 6, 10).

Идентичных образцов алмалыкским изделиям нам подобрать не удалось, но наиболее схожи с ними синхронные экземпляры из склепов 11 и 13 могильника Красный Мак [68, с. 202, 204, 207–208, рис. 13, 2, 3; 15, 3, 4, табл. I, 37–40].

Биконические миски, отличающиеся очертаниями, пропорциями, расположением места перегиба тулова и степенью его выраженности, более многочисленны. Они встречены в могильниках Дружное [24, с. 328, рис. 2: 10; 99, с. 22, 66, рис. 116: 4], Мангуш [41, с. 31, табл. 52, 20], в материалах II – III в. н.э.

Илурата и IV в. н.э. Танаиса [51, с. 94, табл. XXXVI, 11; XXXVII, 8; 8, с. 185, табл. X,8]. Т.М. Арсеньева справедливо связывала появление таких мисок в Танаисе с притоком нового населения с запада [9, с. 191]. Действительно, изделия нашего типа 8 идентичны некоторым лепным вельбаркским, а также лепным и гончарным черняховским сосудам III–IV вв. н.э. [35, с. 38, 39, 41, 42, 43, 45–49, табл. 36, 8, 13; 44, 4; 46, 2; 49, 8; 52, 1; 56, 14; 66, 12].

Избирательность аналогий, а также редкость таких мисок, неизвестных в Крыму до позднеримского времени, убеждает в том, что данная форма была привнесена германцами.

Солонки (2 экз.)

Название категории условно. В археологической литературе солонками часто называют сосуды, повторяющие формы некоторых мисок, но отличающиеся от них меньшими размерами (d устья < 9 см; $H \square 5$ см). Солонки классифицированы по тем же признакам, что и миски.

Тип 1 (1 экз.). Одночастные, с расходящимися краями и усеченно-коническим туловом. Представлен асимметричным реконструированным сосудом 3 ТГ из склепа № 190/2007 (рис. 7, 1). Отсутствие лощения и следы закопчености на внутренней поверхности стенок, предполагают использование данного изделия в качестве светильника или курильницы.

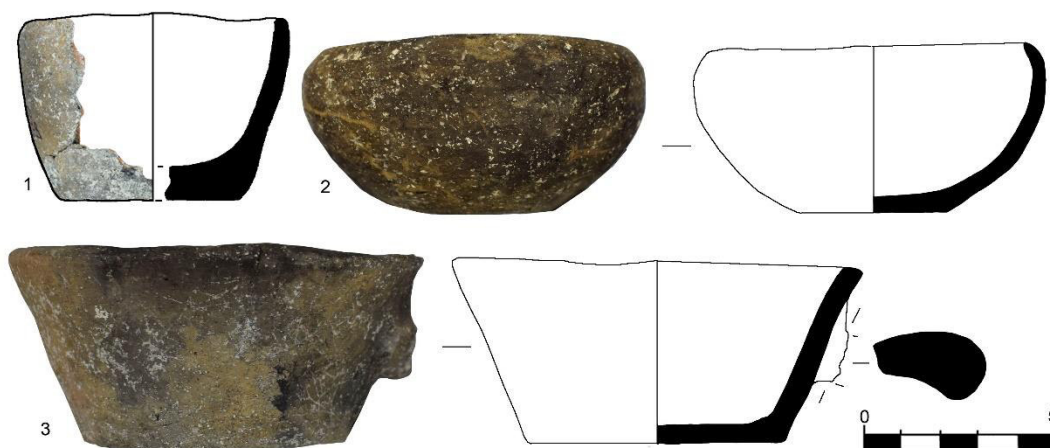

Рис. 7. Солонки. 1 – тип 1; 2 – тип 2. Ковш. 3 – тип 1

В скифо-сарматское время сходные по форме сосуды имели широкое распространение в степных и лесостепных районах Северного Причерноморья, поэтому мы не станем приводить здесь их аналогии [23, с. 256, 258].

В Крыму солонки типа 1 единичны на поселениях эпохи бронзы и кизил-кобинской культуры [55, рис. 11, 16; 15, 29; 26, 33; 60, табл. 8, 27] и многочисленны

на памятниках III в. до н.э. – III в. н.э. поздних скифов [30, с. 106, 107, рис. 26, 50; 31, с. 100, 102, 112, рис. 35, 2; 36, 17; 45, 1, 2; 33, с. 83, табл. 16, 1; 23, 24; 95, с. 35, 47, 50, 52, 68, 80, табл. I, 1, 2, 4, 7, 8, 10, 13; 41, с. 17, 18, 30, табл. 16, 7; 20, 3, 4; 49, 27; 23, с. 256, табл. VI, 10, 13, 17; 39, с. 44, рис. XII, 10; 15, с. 136, 147, рис. 9, 39] и жителей сельской округи Боспора [73, с. 9, 14, рис. 7, 8; 19, 4; 58, с. 99, 105, 106, 108–110, 112, табл. VIII, 9; XVI, 3; XXXI, 4; XXXII, 4; XXXIII, 8, 9; XXXVIII, 4; XXXIX, 6; XLIII, 6; 53, с. 24, рис. 11, 1; 11, с. 97, 104–105, табл. 17, 3, 5; 63, с. 32, 37, рис. 23, 2; 29, 3].

В последующее время солонки типа 1 снова мало. Буквально по одному экземпляру они присутствовали в склепе конца II – первой половины III в. н.э. № 17 Нейзаца (раскопки И.Н. Храпунова), в склепе III – IV в. н.э. № 81 Дружного [24, с. 330, рис. 2: 22; 99, с. 34, 66, 71, рис. 186: 2], в материалах Килен-Балки [82, с. 301, рис. 3: 5] и в подбойной могиле V – VI в. н.э. № 428 Скалистого [21, с. 105, 193, рис. 75, 27].

Солонки типа 1, как и морфологически однородные им миски, лишены этнодифференцирующих признаков. Однако, находки в погребениях крымских могильников позднееримского – раннесредневекового времени дают основания рассматривать их как сохранение и присутствие в составе населения Юго-Западного Крыма каких-то групп поздних скифов и/или боспорян.

Тип 2 (1 экз.). Двухчастные, с плавно загнутыми краями и полусферическим туловом. Представлен сосудом 1 ТГ из склепа № 160/2003 (рис. 7, 2).

Наиболее ранние экземпляры типа обнаружены среди ЛП IV–III в. до н.э. Елизаветовского городища на Нижнем Дону [71, с. 131, рис. 2, 11] и могильника Стоячий камень на Боспоре [73, с. 16, рис. 24, 4]. Центрально-кавказская солонка из погребения в Железноводске относится к I – началу II в. н.э. [1, с. 145, рис. 56, 9], а единственный крымский аналог встречен в подбойной могиле с широкой датировкой (I в. до н.э. – первая половина II в. н.э.) № 30 некрополя Бельбек IV [39, с. 58, рис. XIII, 1; 39, с. 20].

Ковши (1 экз.)

К категории ковшей отнесен единственный сосуд, повторяющий форму мисок типа 1/В, имевший ручку.

Тип 1. Одночастные, с расходящимися краями и усеченно-коническим туловом. Представлен сосудом 3 ТГ из склепа № 162/2003 (рис. 7, 3). Его ручка утрачена в древности, но судя по сохранившемуся в средней части тулова месту ее прилепа, она была либо горизонтальной, либо направленной под углом вверх.

Наиболее близкое соответствие алмалыкскому ковшу в виде одноручной полусферической миски, обнаружено в погребении 94 могильника Фронтное 3, датированном по краснолаковой посуде III в. н.э. [94, с. 69, рис. 1, 27]. Морфологически иной сосуд, который также имеет одно место крепления ручки к тулову, найден в склепе второй половины IV в. н.э. № 87 Дружного [99, с. 37, 62, 72, рис. 210: 5].

Горшковидные сосуды (74 экз.)

Горшки (9 экз.)

В категорию горшков включены трехчастные, сравнительно широкогорлые сосуды без ручек, имеющие показатели $H/d_2 \geq 0,8$; $d_2/d_3 < 1,5$; $H \geq 12,5$ см, которые классифицированы по следующим признакам:

Параметры дна: выделяются широкие ($d_2/d_1 < 1,8$) и узкие ($d_2/d_1 > 1,8$) донья.

Форма тулова.

Пропорции тулова. Выделяются горшки с приземистым $(h_1 + h_2)/d_2 < 0,8$, средних пропорций $(h_1 + h_2)/d_2 = 0,8-1$ и вытянутым $(h_1 + h_2)/d_2 > 1$ туловом.

Форма горла.

С учетом признаков 1 и 2 сосуды разделены на типы, по признаку 3 – на подтипы, варианты выделены по признаку 4.

Тип 1 (5 экз.). С расширенным в верхней части овалоидным туловом.

Подтип 1 (2 экз.). С приземистым туловом и узким цилиндрическим горлом. Представлен фрагментами графически реконструированного сосуда 3 ТГ из насыпи кургана № 3 (рис. 8, 1) и сосудом 1 ТГ из склепа № 65/1998 (рис. 8, 2).

Подтип 2 (2 экз.). С туловом средних пропорций, узким дном и широким горлом.

Вариант В (1 экз.). С усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 2 ТГ из склепа № 162/2003 (рис. 8, 3).

Вариант С (1 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен небольшим асимметричным сосудом 1 ТГ из склепа № 162/2003 (рис. 8, 4).

Подтип 3 (1 экз.). С вытянутым туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен фрагментами реконструированного сосуда 2 ТГ со слабо выделенным дном из склепа № 158/2003 (рис. 8, 5).

В целом, горшки типа 1 можно отнести к разряду «неинформативных» в этнокультурном отношении, поскольку сосуды такой формы являются едва ли не самыми распространенными на археологических памятниках раннего железного века разных регионов. В то же время, морфологические особенности горшков подтипов 1 и 2 (профилировка, относительные размеры дна и горла в сочетании с пропорциями тулова) выделяют их из общей массы.

Так, в Крыму небольшие по размеру целые и фрагментированные асимметричные горшки подтипа 1 (в т.ч. с дуговидными налестками) присутствовали в склепах IV в. н.э. №№ 18, 64 и в подбойной могиле № 46 некрополя Дружное [24, с. 331, рис. 3: 3; 99, с. 18, 25, 29, рис. 86: 3; 133: 20; 153: 4], а также Красного Мака [68, табл. I, 42, 43, 46] и Фронтowego 3 [94, рис. 4, 1, 3, 5, 6, 8, 10]. За пределами полуострова сходство с ними обнаруживают изделия чуть более раннего времени из Азиатской Сарматии [88, рис. 10, 7], что, возможно, говорит о сарматских истоках таких горшков из крымских могильников.

Соответствие алмалыкским горшкам подтипа 2 удалось отыскать только в могильнике Красный Мак [68, табл. I, 48].

Тип 2 (2 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости.

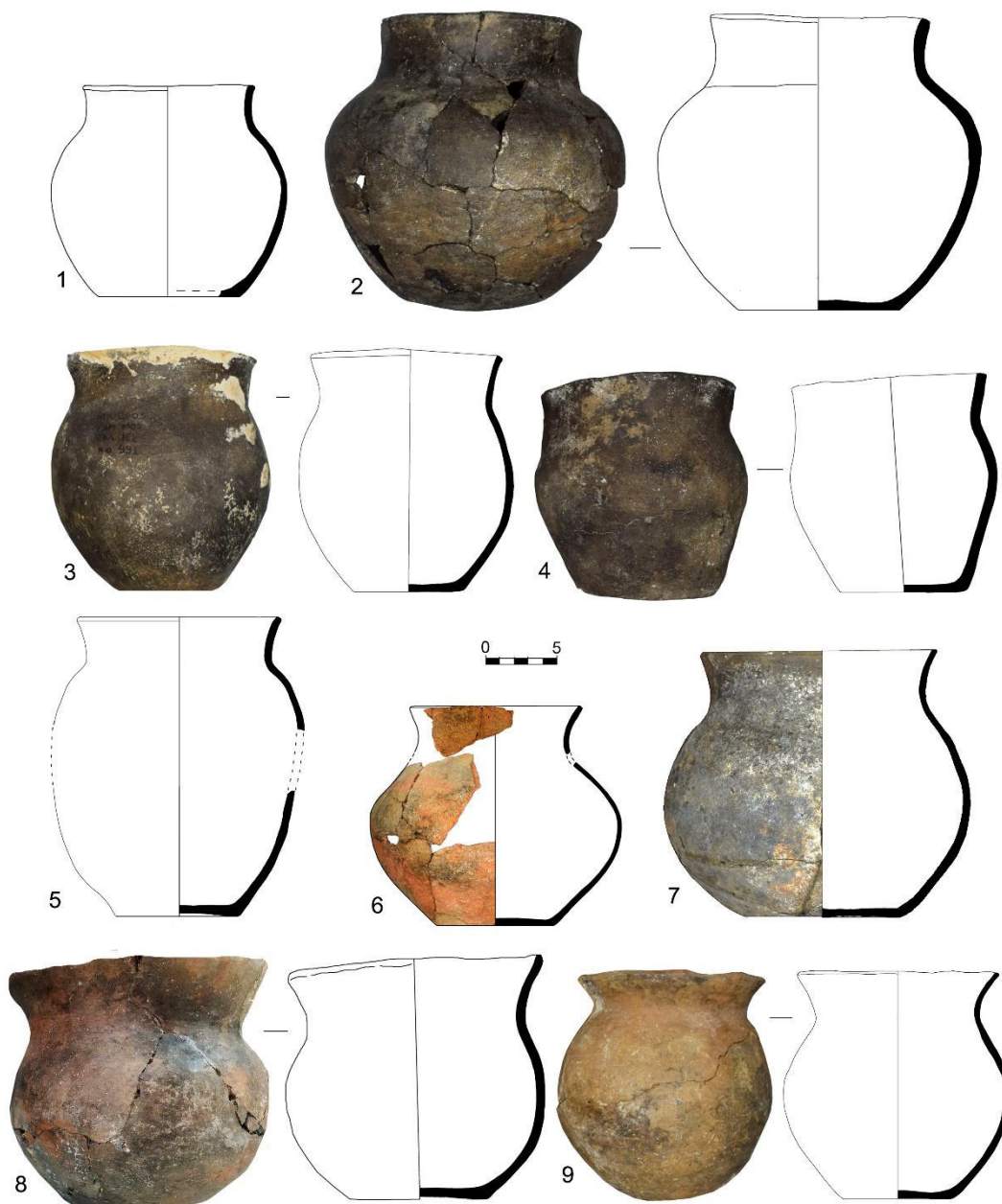

Рис. 8. Горшки. 1-5 – тип 1 (1, 2 – подтип 1; 3 – подтип 2, вариант В; 4 – подтип 2, вариант С; 5 – подтип 3); 6, 7 – тип 2 (6 – вариант А; 7 – вариант В); 8, 9 – тип 3

Вариант **А** (1 экз.). С расширяющимся гиперboloидным горлом. Представлен сосудом 1 ТГ из склепа № 65/1998 (рис. 8, 6).

Вариант **В** (1 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен фрагментированным сосудом 2 ТГ из склепа № 163/2004 (рис. 8, 7).

Прямые аналогии варианту А не обнаружены, а несколько отличающиеся, но сопоставимые по форме тулова небольшие горшковидные сосуды известны в склепах IV в. н.э. №№ 64 и 66 Дружного [24, с. 333, рис. 5: 1, 2; 99, с. 29, 30, рис. 153: 1; 161: 3], а также в грунтовой могиле № 12 и подбое во входной яме склепа № 9 некрополя Нейзац (раскопки И.Н. Храпунова). Горшок с утраченным горлом, особенно похожий на друженские и нейзацкие, был помещен в погребение последней четверти IV в. н.э. Танаисского некрополя [49, с. 141, 142, табл. III, 5].

И для Крыма, и для Нижнего Подонья данная форма, неизвестная в предшествующее время, является инновацией, появление которой могло быть вызвано притоком какого-то нового населения.

Тип 3 (2 экз.). Со сферическим туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен асимметричными сосудами 1 ТГ из склепов №№ 157/2003 (рис. 8, 8) и 163/2004 (рис. 8, 9).

Аналогичный небольшой горшок I – II в. н.э. происходит из могильника Заветное [50, с. 30, табл. 50, 9], а также из погребений второй половины III – IV в. н.э. Дружного [4, с. 92, 96, рис. 14, 3; 24, 1], ямы с сосудами могильника Нейзац (раскопки И.Н. Храпунова), склепов IV – начала V в. н.э. Красного Мака [68, табл. I, 44], Фронтового 3 [94, рис. 4, 7, 14] и Совхоза 10 [32, с. 264, 271, рис. 3, 6]. На плечах одного друженского экземпляра расположены дуговидные ручки-упоры, плечи двух нейзацких сосудов украшены коническими выступами, а основание горла еще одного горшка из Дружного орнаментировано горизонтальным рядом полукруглых вдавлений.

Горшки типа 3 известны среди керамики среднесарматской культуры Южного Приуралья [91, табл. 74, 29], а также встречены в черняховском могильнике у с. Холмское [38, с. 66, рис. 21, 11]. Шаровидность тулова характерна для сарматских горшков, поэтому не исключено, что крымские экземпляры отражают присутствие сарматов.

Кубки (17 экз.)

К кубкам отнесены сосуды без ручки, повторяющие формы некоторых горшков, но отличающиеся небольшими размерами ($d_y < 11$ см; $H \leq 12,5$ см). Типы кубков выделены по форме тулова, а варианты – по форме горла.

Тип 1 (4 экз.). С расширенным в верхней части овалоидным туловом.

Вариант **А** (2 экз.). С расширяющимся гиперboloидным горлом. Представлен сосудами 1 ТГ из склепов №№ 65/1998 (рис. 9, 2) и 190/2007 (рис. 9, 1).

Вариант **В** (2 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами 1 ТГ из склепов №№ 159 (рис. 9, 4) и 161/2003 (рис. 9, 3).

Рис. 9. Кубки. 1-4 – тип 1 (1, 2 – вариант А; 3, 4 – вариант В); 5 – тип 2; 6 – тип 3

В целом, нейтральная форма с достаточно широким кругом аналогий более раннего времени как в Крыму, так и за его пределами. Однако крымских соответствий позднееримского и раннесредневекового времени мало.

Так, сосуд варианта А, сопоставимый с алмалыкским, присутствовал в грунтовой могиле № 68 некрополя Дружное [24, рис. 15: 2; 99, с. 31, 63, рис. 157: 2]. За исключением совпадающих по форме кубков из сарматских комплексов I в. до н.э. – II в. н.э. Нижнего Поволжья [87, с. 108, 137, рис. 30а, 12; 46, 2] и второй половины II – первой половины III в. н.э. Дунай-Днестровского междуречья [93, с. 7, рис. 6, 5], иных аналогий обнаружить не удалось.

Та же ситуация и с кубками варианта В. В Крыму такие сосуды известны в некрополях IV – начала V в. н.э. Сувлу-Кая [29, с. 213, рис. 7, 5], Совхоз 10 [32, с. 264, рис. 3, 7] и в некрополе I – IV вв. н.э. Херсонеса [43, с. 79–81, рис. 53, 4]. За

пределами полуострова аналогичные кубки встречены в сарматском могильнике второй половины II – первой половины III в. н.э. Хаджидер II и в черняховском могильнике Малаешти Дунай-Днестровского междуречья [92, с. 23, рис. 14, 2; 89, табл. LV, 11], а также среди находок I – IV вв. н.э. Ольвии [59, с. 105, 106, рис. 39, 5; 41, 8].

Вероятно, появление кубков типа 1 в Дружном и на могильниках юго-западной Таврики связано с миграцией каких-то сарматских коллективов, первоначально обитавших в Северо-Западном Причерноморье.

Тип 2 (1 экз.). С расширенным в нижней части овалоидным туловом и расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудом 1 ТГ из склепа № 159/2003 (рис. 9, 5).

Редкие параллели типу, отличающиеся усеченно-конической формой горла, в Крыму встречены в материалах III в. н.э. поселения Семеновка на Боспоре [62, рис. 31, 2], в детской грунтовой могиле № 26 Нейзаца (раскопки И.Н. Храпунова), а также в раннесредневековом Скалистинском могильнике [21, с. 126, 193, рис. 92, 21]. Сопоставимое изделие зафиксировано в погребении II – первой половины III в. н.э. могильника Гудермес в Центральном Предкавказье [1, с. 160, рис. 64, 18].

Возможно, эти находки отражают направление движения изготовлявшего такие сосуды населения с Северного Кавказа в Крым.

Тип 3 (1 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости, и цилиндрическим горлом. Представлен сосудом 3 ТГ из склепа № 162/2003 (рис. 9, 6).

Прямых аналогий нам обнаружить не удалось. Вообще, кубки с такой формой тулова довольно многочисленны в широком хронологическом и географическом диапазонах, однако они имеют не цилиндрическое, а расширяющееся гиперболоидное или усеченно-коническое горло.

Тип 4 (3 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости.

Вариант А (2 экз.). С расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудами 1 и 3 ТГ с невыделенным и слабо выделенным доньями из склепов №№ 157/2003 (10, 2) и 158/2003 (рис. 10, 1).

Вариант С (1 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен фрагментированным сосудом 1 ТГ из склепа № 2/2001 (рис. 10, 3).

Значительная часть соответствий кубкам варианта А сосредоточена в Крыму: в грунтовой могиле III в. н.э. Заморского и в склепе IV – V в. н.э. Сиреновой бухты на Боспоре [56, с. 38, 42, рис. 7, 2; 74, с. 34, рис. 29, 3], в некрополе I – IV вв. н.э. Херсонеса [43, с. 79, рис. 53, 3], а также в склепах IV в. н.э. №№ 27, 59 Дружного [24, с. 350, рис. 15: 4; 99, с. 22, 28, рис. 112: 4; 145: 8] и первой половины V в. н.э. могильника Лучистое [6, с. 277, 297, рис. 5, 14]. В отличие от остальных, лучистинский экземпляр украшен усеченно-коническими выступами. Помимо Крыма аналоги кубкам варианта А обнаружены в помещении первой половины III в. н.э. Танаиса [10, с. 186, табл. IV, 12]. Вероятно, исходным районом данной формы

могло быть Нижнее Подонье, откуда она через Европейский Боспор проникла вглубь Крыма.

Наиболее близкая аналогия сохранившейся части алмалыкского кубка варианта С обнаружена среди находок из детского погребения в южном подбье могилы № 56 Дружного [24, с. 338, рис. 8: 4; 99, с. 27, рис. 135: 16].

Тип 5 (7 экз.). Со сферическим туловом.

Рис. 10. Кубки. 1-3 – тип 4 (1, 2 – вариант А; 3 – вариант С); 4-10 – тип 5 (4-6 – вариант А; 5-9 – вариант В; 10 – вариант С); 11 – тип 6

Вариант А (3 экз.). С расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудами 1 и 2 ТГ из склепов №№ 57/1998 (рис. 10, 4), 161/2003 (рис. 10, 5) и 182/2006 (рис. 10, 6).

Вариант В (3 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами 1 и 3 ТГ из склепов №№ 159/2003 (рис. 10, 7) и 161/2003 (рис. 10, 8, 9).

Вариант С (1 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ из склепа № 6/2001 (рис. 10, 10).

Несколько отличаясь пропорциями и конфигурацией, кубки вариантов А и В найдены в слое II-III в. н.э. Неаполя Скифского [41, с. 16, табл. 14, 3] и синхронных материалах Неапольского могильника [31, с. 112, рис. 45, 7], но больше всего их в крымских варварских некрополях позднеримского – раннесредневекового времени. Они присутствовали в склепе III – IV в. н.э. № 22 Нейзаца (раскопки И.Н. Храпунова), склепах второй половины III – IV в. н.э. №№ 21, 58 и погребении IV в. н.э. в южном подбье могилы № 56 Дружного [24, с. 350, рис. 15: 6, 7; 99, с. 21, 27, рис. 99: 7; 135: 11], урновом трупосожжении начала – первой половины IV в. н.э. в каменном ящике № 55 некрополя Чатыр-Даг [76, с. 213, 215, рис. 118, 1], в Херсонесском некрополе I – IV вв. н.э. [43, с. 79, рис. 53, 3], в склепах могильника IV – начала V в. н.э. Совхоз 10 [32, с. 257, 264, 266, рис. 3, 5, 9], в могильнике Фронтное 3 [94, рис. 4, 15, 18], Красном Маке [68, табл. I, 45, 47] и в склепах IV – V в. н.э. могильника Сиреневая бухта на Боспоре [74, с. 34, рис. 29, 5; 53, 3]. На плече чатырдагского кубка расположен одинарный дуговидный налеп, на одном из нейзацких – парные, а основание горла друженского орнаментировано коническими выступами.

Все некрымские аналогии рассматриваемым кубкам, лишены декора. Они найдены в сарматских погребениях середины – второй половины II в. н.э. и II – середины III в. н.э. на Верхнем Дону [75, с. 119, 141, 149–150, 166, рис. 36, 12; 46, 15], в заполнении одной из ям сарматского могильника II – III в. н.э. у с. Маяки в Нижнем Поднестровье и в погребении черняховского могильника IV в. н.э. у с. Холмское на Нижнем Дунае [83, с. 134, рис. 2, 11; 39, с. 64, 80, рис. 22, 2].

Круг приведенных параллелей и их хронология наводят на мысль, что кубки со сферической формой тулова были характерны для сарматов, с которыми, очевидно, и надо связывать их появление сначала у поздних скифов, а затем у жителей Крыма второй половины III – IV и IV – V вв. н.э.

Кубку варианта С аналогии не обнаружены.

Тип 6 (1 экз.). С расширенным в средней части округло-биконическим туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 2 ТГ из склепа № 158/2003 (рис. 10, 11).

Редкий тип, крымские соответствия которому известны в детском погребении первой половины IV в. н.э. могилы с заплечиками № 1 некрополя Суворово [42, с. 102, рис. 57] и в склепе могильника Сиреневая бухта на Боспоре, содержащем находки III – VI вв. н.э. [74, с. 34, рис. 34, 2]. За пределами Крыма аналогичный кубок удалось отыскать в сарматском погребении II – IV вв. н.э. Калиновского могильника в Поволжье [108, с. 398, 490, рис. 63, 5]. Может быть, форма тоже является сарматской по происхождению.

Кружки (26 экз.)

К кружкам отнесены сходные с кубками небольшие по размерам сосуды ($d_y \leq 11$ см; $H \leq 12,5$ см), которые имеют 1 вертикальную ручку. Как горшки и кубки, типы кружек выделены по форме тулова, а варианты – по форме горла.

Тип 1 (5 экз.). С расширенным в верхней части овалоидным туловом.

Рис. 11. Кружки. 1-5 – тип 1 (1 – вариант А; 2-4 – вариант В; 5 – вариант С; 6 – тип 2; 7, 8 – тип 3)

Вариант А (1 экз.). С расширяющимся гиперболическим горлом. Представлен сосудом 2 ТГ с подпрямоугольной в сечении кольцевидной ручкой из склепа № 182/2006 (рис. 11, 1).

Вариант В (3 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами 1 и 2 ТГ с подпрямоугольными в сечении кольцевидной и петлевидными ручками из склепов №№ 160/2003 (рис. 11, 2, 3) и 188/2008 (рис. 11, 4).

Вариант С (1 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении Г-образной ручкой из склепа № 162/2003 (рис. 11, 5).

Кружки первых двух вариантов можно считать едва ли не самыми распространенными на памятниках раннего железного века разных археологических культур и территорий. Несколько отличаясь пропорциями, аналогии им достаточно многочисленны в Крыму. Порой трудно разделяемые кружки вариантов А и В присутствовали в погребениях IV в. н.э. могильников Курское [96, рис. 2Б, 23], Розенталь [107, рис. 13, 6], Дружное [5, с. 92, 97, рис. 21, 1; 22, 6; 102, с. 259, рис. 148, 7; 150, 4; 105, с. 121, рис. 4: 2; 24, с. 344–345, рис. 12: 18–22], Нейзац [34, с. 75, рис. 6, 5], Перевальное [28, с. 89, рис. 2, 3], Озерное III [67, с. 246, рис. 6, 8], Фронтное 3 [94, рис. 3, 1, 2, 8, 10, 15], в Херсонесском некрополе I – IV вв. н.э. [43, с. 81, 82, рис. 53, 8; 54, 2] и могильнике Совхоз 10 [32, с. 257, 266, 271, рис. 4, 2, 8], а самые поздние образцы входили в состав инвентаря погребений первой половины V в. н.э. могильников Скалистое [21, с. 107, 192, рис. 76, 25] и Лучистое [6, с. 276, 277, 297, рис. 4, 12; 5, 15].

Кружек варианта С меньше. Они происходят из склепов IV в. н.э. №№ 3 и 85 Дружного [24, с. 345, рис. 13: 1, 2; 99, с. 16, 36, рис. 70: 5; 203: 3], ям с сосудами могильника Нейзац (раскопки И.Н. Храпунова), а также погребений первой половины V в. н.э. Фронтного 3 [94, рис. 3, 19–21] и Лучистого (с рельефными отрезками от верхнего конца ручки) [6, с. 291, 295, рис. 19, 2].

В целом, морфологию кружек типа 1 можно считать специфически присущей крымской ЛП позднеримского времени.

Тип 2 (1 экз.). С расширенным в нижней части вытянутым овалоидным туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 2 ТГ с подпрямоугольной в сечении кольцевидной ручкой из подбойной могилы № 18/2004 (рис. 11, 6).

Сопоставимые по форме сосуда известны в находках II – III в. н.э. памятников Боспора: в могиле и тризне некрополя II – III в. н.э. Фронтное II, в слое этого же времени Тиритаки и в материалах III в. н.э. Семеновки [58, с. 46, 108, табл. XXXIX, 4; 57, с. 50, рис. 5, 8, 12; 51, с. 73, 87–88, табл. XX, 6; XXVIII, 1; 62, рис. 30, 7; 31, 7; 63, с. 26, рис. 18, 5; 24, 1; 11, с. 106, 107, рис. 6], обнаружены они в некрополе Мангуш [41, с. 30, табл. 50, 4], в склепах IV в. н.э. №№ 3, 49, 58, 85 Дружного [24, с. 345, рис. 13: 3–5, 8, 9; 97] и в могильнике Фронтное 3 [94, рис. 3, 11, 26].

За пределами Крыма аналогичные кружки локализируются в Предкавказье, где их использовали с III – I вв. до н.э. по II – первую половину III в. н.э. в качестве погребального инвентаря Чегемского и Подкумского могильников. Экземпляры III – I в. до н.э. имеют разнообразную орнаментацию, которая исчезает в I – начале II в. н.э. [1, с. 47, 49, 138, 141, 158, рис. 13, 11, 13, 22; 52, 3; 53, 14, 24; 63, 2]. Все боспорские кружки без орнамента.

Северокавказское происхождение кружек типа 2, на наш взгляд, наиболее вероятно, а места их находок, похоже, отражают маршрут распространения формы из Предкавказья в Центральный и Юго-Западный Крым через территорию Боспорского царства.

Тип 3 (2 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из подбойной могилы № 1/2001 (рис. 11, 7), а также асимметричным сосудом 3 ТГ с выделенным дном и Г-образной ручкой, профилированной широким центральным желобком, из подбойной могилы № 42/2012 (рис. 11, 8).

Однотипные кружки встречены скопления сосудов над склепом № 39, в детской подбойной могиле № 55 и в склепе № 81 могильника Дружное [24, с. 345–346, рис. 13: 6, 7; 99, с. 25, 26, 34–35, рис. 85: 4; 128: 1; 187: 6], а также в склепе первой половины V в. н.э. Лучистого [6, с. 277–279, рис. 7, 1]. Похожие изделия входили в состав инвентаря погребений второй половины III – IV в. н.э. Хумаринского могильника на Северном Кавказе [1, с. 112, рис. 68, 11] и некрополя Заморское на Боспоре [56, с. 37, рис. 6, 8], что может маркировать путь проникновения формы в глубинные районы Крыма.

Тип 4 (9 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости.

Вариант А (1 экз.). С расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудом 2 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 162/2003 (рис. 12, 1).

Вариант В (7 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами 1-3 ТГ с подквадратными, подпрямоугольными и сегментовидной в сечении петлевидными и кольцевидными ручками из склепов №№ 158/2003 (рис. 12, 2–4), 160/2003 (рис. 12, 5), 166/2004 (рис. 12, 6), 182/2006 (рис. 12, 7) и 188/2008 (рис. 12, 8 – с выделенным дном).

Вариант С (1 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен сосудом 2 ТГ с овально-подпрямоугольной в сечении Г-образной ручкой из склепа № 182/2006 (рис. 12, 9).

Сосуды вариантов А и В обнаруживают многочисленные параллели в погребениях второй половины III – IV в. н.э., ямах и скоплениях посуды могильников Дружное [105, с. 246, рис. 6, 5; 7, 2; 24, с. 346, рис. 13: 10–20], Нейзац [34, с. 75, рис. 5, 2; 6, 4], Курское [96, рис. 2Б, 19], Фронтное 3 [94, рис. 3, 5, 25, 27–29], в могилах некрополя IV – начала V в. н.э. Совхоз 10 [32, с. 257, 266, 271, рис. 4, 5], в склепах первой половины V в. н.э. Лучистого [5, с. 14, рис. 9, 2; 6, с. 276, 277, 283, 289, 295, 297, рис. 4, 7; 5, 4; 10, 13; 18, 2] и Сувлу-Кая [29, рис. 7, 2], а также первой половины V – VII вв. н.э. Скалистого [21, с. 111, 192, рис. 82, 14]. Изделия, идентичные некоторым кружкам из перечисленных могильников, найдены в материалах I – IV вв. н.э. Фанагории и III в. н.э. Семеновки на Боспоре [61, рис. 6, 8; 63, рис. 21, 6].

Скорее всего, формы морфологически близких вариантов А и В начали складываться на основе кавказских кружек на азиатской стороне Боспорского царства. Через его европейскую часть они распространились в Центральный Крым, где подверглись дальнейшей модификации, выразившейся в появлении на некоторых изделиях кольцевых поддонов.

Рис. 12. Кружки. 1-9 – тип 4 (1 – вариант А; 2-8 – вариант В; 9 – вариант С)

Кружек алмалыкскому варианту С нам подобрать не удалось.

Тип 5 (1 экз.). Со слабопрофилированным сферическим туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении кольцевидной ручкой из склепа № 6/2001 (рис. 13, 1).

Морфологически однородные кружки I в. до н.э. – I в. н.э. и I – III вв. н.э. известны на позднескифских Булганакском городище [23, с. 266, табл. VII, 13] и Неапольском могильнике [31, с. 112, рис. 45, 8; 95, с. 44, 80, табл. III, 11; 41, с. 29,

табл. 49, 18]. Встречены они в склепах IV в. н.э. Розенталя [107, рис. 17, 1], Дружного [102, с. 256, рис. 150, 3; 24, с. 346, рис. 13: 25, 26], Фронтового 3 [94, рис. 3, 7], на территории могильника Суворово [14, с. 253, рис. 1, 2], в Херсонесском некрополе I – IV в. н.э. [42, с. 82, рис. 53, 9] и в помещениях III в. н.э. поселения Семеновка на Боспоре [62, рис. 30, 1; 63, с. 19, 23, рис. 13, 10; 15, 5].

Рис. 13. Кружки. 1 – тип 5; 2-6 – тип 6 (2, 3 – вариант А; 4-6 – вариант В); 7, 8 – тип 7 (7 – вариант В; 8 – вариант С); 9 – тип 8

Более ранние аналогии позволяют предположить, что данный тип кружек изначально сформировался у центрально-крымских поздних скифов. С рубежа эр по III в. н.э. он известен исключительно на позднескифских памятниках, поэтому

появление такой формы, начиная с III в. н.э., на Боспоре, а позднее – на могильниках позднееримского времени и в Херсонесе правомерно связывать если не с непосредственным присутствием представителей позднескифского населения, то, как минимум, с сохранением керамических традиций поздних скифов в среде обитателей центрального и юго-западного районов полуострова в позднееримский и раннесредневековый периоды.

Тип 6 (5 экз.). Со сферическим туловом и узким горлом.

Вариант А (2 экз.). С расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудами 1 ТГ с подпрямоугольной и округло-сегментовидной в сечении петлевидной ручкой из склепов №№ 158/2003 (рис. 13, 2) и 162/2003 (рис. 13, 3).

Вариант В (3 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами 1 и 3 ТГ с сегментовидной и подтреугольной в сечении петлевидной и кольцевидными ручками из склепов №№ 155/2003 (рис. 13, 4), 157/2003 (рис. 13, 5), 163/2004 (рис. 13, 6).

Крымские соответствия обоим вариантам типа 6 представлены в погребальных сооружениях второй половины III – IV в. н.э. могильников Дружное [24, с. 347, рис. 14: 11, 12], Нейзац (раскопки И.Н. Храпунова), Перевальное [29, с. 89, рис. 2, 2], Инкерман [18, с. 232, рис. 14, в центре; 19, с. 32, рис. 14, 8; 39, с. 58, рис. XIII, 4; 40, с. 20], Суворово [42, с. 108, рис. 59], Курское [96, рис. 2Б, 20], Отаркой, Розенталь [107, рис. 10, 1; 14, 1], Фронтное 3 [94, рис. 3, 3, 4, 6, 9, 12-14, 16-18], а также в раннесредневековых погребениях Инкерманского, Скалистинского и Лучистинского могильников [19, с. 29, рис. 14, 9; 21, с. 95, 101, 192, 193, рис. 66, 26; 74, 9; 5, с. 14, рис. 9, 4], Красного Мака [68, табл. I, 14, 15], Сувлу-Кая [29, рис. 7, 1, 3, 4].

Похожие кружки зафиксированы в комплексах I – начала II в. н.э. могильников Подкумский и Нижний Джулат в Центральном Предкавказье [1, рис. 53, 17, 18], а также в одной из могил III в. н.э. боспорского некрополя Заморское [56, с. 37, 42, рис. 6, 11].

Очевидно, тип имеет северокавказское происхождение, откуда он через Боспор распространился в глубинные районы Крымского полуострова.

Тип 7 (2 экз.). С расширенным в средней части округло-биконическим туловом средних пропорций.

Вариант В (1 экз.). С расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 2 ТГ со слабо выделенным дном на скрытом кольцевом поддоне, профилированной центральным желобком подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой и горизонтальным валиком в основании горла из склепа № 183/2006 (рис. 13, 7).

Вариант С (1 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен асимметричным сосудом 1 ТГ с прямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 158/2003 (рис. 13, 8).

Довольно близкое сходство с алмалыкской кружкой варианта В демонстрирует кружка из склепа IV в. н.э. № 66 могильника Дружное [24, с. 348, рис. 14: 19; 99, с. 29–30, 63, рис. 161: 8]. Практически тождественный экземпляр варианта С

присутствовал в детской подбойной могиле № 80 Дружного с монетой Максимиана (286 – 305 гг.) [24, с. 348, рис. 14: 20; 99, с. 34, 63, 71, рис. 185: 1].

Рис. 14. Кувшины. 1-3 – тип 1 (1 – вариант А2; 2 – вариант В2; 3 – вариант D3); 4 – тип 2; 5-10 – тип 3 (5 – вариант А2; 6 – вариант А3; 7 – вариант В2; 8 – вариант С2; 9 – вариант Е2; 10 – вариант Е3)

Тип 8 (1 экз.). С расширенным в средней части приземистым биконическим туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен фрагментированным сосудом 1 ТГ с трапециевидной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 157/2003 (рис. 13, 9).

Прямых аналогов нам подобрать не удалось, но конструктивно алмалыкскому экземпляру близки неорнаментированные кружки IV в. н.э. из Озерного III [67,

с. 245, 246, рис. 3, г; 6, 1; 3, рис. 2], Дружного [24, с. 348, рис. 14: 20–25] и Нейзаца, а также первой половины V в. н.э. могильника Лучистое (с рельефными отроутками от нижнего конца ручки) [6, с. 279, 297, рис. 8, 1]. Подобные сосуды более раннего времени известны в находках конца II – III в.н.э. Илурата [51, с. 88, табл. XXVIII, 5]. Данному типу соответствуют кружки вельбаркской культуры [117, tabl. 21, 2; 52, с. 161, рис. 12: 8, 10], а также из черняховских могильника Данчены и разрушенного захоронения Баевского могильника. Считается, что в черняховской культуре на сложение кружек такой формы, бытовавших в 230/240 – 270/280 гг., повлияли вельбаркские прототипы [35, с. 41–42, табл. 48, 2; 66, 10; 66, с. 60, рис. 10, 2].

Совпадающие с крымскими по времени изделия культур северо-западного круга могут свидетельствовать о том, что кружки биконической формы появились на полуострове вместе с проникавшими сюда племенами германцев, которые первоначально продвинулись на Боспор.

Кувшины (22 экз.)

К категории кувшинов отнесены сравнительно узкогорлые ($d_2/d_3 \geq 1,5$) трехчастные сосуды, общая высота которых всегда превышает их максимальный диаметр ($H > d_2$) [113, р. 216; 106, р. 19; 88, с. 54]. Кувшины классифицированы по следующим признакам:

Форма тулова.

Пропорции тулова. Кувшины имеют приземистое $(h_1+h_2)/d_2 < 0,8$, средних пропорций $(h_1+h_2)/d_2 = 0,8-1$ и вытянутое $(h_1+h_2)/d_2 > 1$ тулово.

Форма горла.

Пропорции горла. Выделяются кувшины с низким ($h_3/d_4 < 0,5$), средней высоты ($0,5 < h_3/d_4 < 1$) и высоким ($h_3/d_4 > 1$) горлом.

По признаку 1 выделяются типы, по признаку 2 – подтипы, по признаку 3 – варианты и по признаку 4 – подварианты.

Тип 1 (3 экз.). С расширенным в верхней части приземистым овалоидным туловом.

Вариант **A2** (1 экз.). Со средней высоты расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен фрагментом широкогорлого горшковидного сосуда 1 ТГ с овалово-подпрямоугольной в разрезе петлевидной ручкой из склепа № 190/2007 (рис. 14, 1).

Фрагмент сосуда аналогичной профилировки найден на позднескифском Булганакском городище с материалами I в. н.э. [23, с. 261, табл. VII, 3]. Сходные экземпляры происходили из погребений III – I в. до н.э. и III – IV в.н.э. Центрального Предкавказья [1, с. 42, рис. 9, 16; 2, с. 10, рис. 7, 9].

Вариант **B2** (1 экз.). Со средней высоты расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с широким дном и округло-трапецевидной в разрезе кольцевидной ручкой из склепа № 159/2003 (рис. 14, 2).

Такие же широкодонные кувшины, но с иной формой и размерами горла встречены в синхронных комплексах могильника Фронтное 3 [94, рис. 2, 1, 8, 9]. Кувшины варианта B2 сопровождали погребения III – I в. до н.э. Ханкальского

могильника в Предкавказье [1, с. 42, рис. 9, 21], в первые века н.э. они известны у сарматов Нижнего Поволжья [88, с. 27, рис. 7, 4], а в III – конце IV и в IV – VI вв. н.э. их помещали в склепы сельских боспорских некрополей [56, с. 37, рис. 6, 10; 74, с. 34, рис. 55, 1]. По мнению В.Н. Корпусовой такие кувшины напоминают античные, но более правомерно связывать их появление с сарматами.

Вариант **D3** (1 экз.). С высоким сужающимся усеченно-коническим горлом и отогнутым венчиком. Представлен асимметричным сосудом 1 ТГ с пятиугольной в сечении Г-образной ручкой из склепа № 190/2007 (рис. 14, 3).

Прямых аналогий обнаружить не удалось. Отдельные экземпляры кувшинов с таким же комбинированным горлом, правда, разной высоты и с туловами других форм, известны в могильнике Сувлу-Кая [29, рис. 7, 10], Перевальное [28, с. 89, рис. 2, 6], довольно много их в Дружном [24, рис. 9: 5, 14, 15; 10: 7, 8; 12: 1–3].

Тип 2 (1 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости и высоким сужающимся усеченно-коническим горлом с отогнутым венчиком. Представлен сосудом 1 ТГ со слабо выделенным дном и ромбовидной в сечении Г-образной ручкой из склепа № 190/2007. От боковых сторон нижнего конца ручки и от середины центральной части ее внешней стороны вниз по тулову отходят прямые рельефные отростки (рис. 14, 4).

Наиболее близким по форме является кувшин из склепа IV в. н.э. № 85 некрополя Дружное, нижний конец ручки которого также имеет короткие, но изогнутые рельефные отростки [24, с. 340, рис. 9: 14; 99, с. 36, рис. 204: 5]. Других аналогий не обнаружено. Кувшины с подобным эллипсоидным туловом присутствовали в погребениях Фронтowego 3, но формы их горла иные [94, рис. 2, 13, 17, 23; 3, 30].

Тип 3 (6 экз.). Со сферическим туловом.

Вариант **A2** (1 экз.). Со средней высоты слабоизогнутым расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подквадратной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 157/2003 (рис. 14, 5).

Наиболее близки ему крымские кувшины IV в. н.э. из могильника Курское [96, рис. 2Б, 17] и последней четверти IV – первой половины V в. н.э. из Сувлу-Кая [29, рис. 7, 9, 12], а также нижнедонский конца IV – начала V в. н.э. из некрополя Танаиса [12, с. 50, табл. XVIII, 2].

Вариант **A3** (1 экз.). С высоким расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении Г-образной ручкой из склепа № 161/2003 (рис. 14, 6).

Аналогичные неорнаментированный обнаружены в погребении 52 могильника Фронтowego 3 [94, рис. 2, 10], а с орнаментом – в яме с посудой № 1 могильника Нейзац. Основание горла нейзацких сосудов украшено горизонтальным валиком, от которого, у одного из кувшинов, вниз по тулову отходят рельефные отростки, а плечи другого изделия орнаментированы 3-мя горизонтальными врезными линиями, внутри которых расположены два ряда зигзагообразных [100, с. 23, рис. 11, 12].

Прототипами данной формы могли быть гончарные кувшины, подобные тому, что зафиксирован в разрушенном сарматском погребении кургана № 30 I Бережновского могильника [87, с. 91, рис. 23, 11].

Вариант **B2** (1 экз.). Со средней высоты расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ со слабовыраженным сливом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 159/2003 (рис. 14, 7).

В Крыму такие кувшины IV в. н.э. известны в одном из зданий Тиритаки [51, с. 72, табл. XIX, 11], в склепе № 4 могильника Курское [96, рис. 2Б, 18], склепах №№ 1 [4, с. 92, 96, рис. 21, 2, 3; 23, 2, 4] и 66 [24, с. 340, рис. 10: 1; 99, с. 30, рис. 160: 6] Дружного, Перевального [28, с. 89, рис. 2, 9], присутствовали они в погребении первой половины V в. н.э. Лучистого [6, с. 283, 297, рис. 10, 10], а самые поздние изделия VI – VII в. н.э. встречены в Скалистинском могильнике [21 с. 19, 106, 193, рис. 9, 4, 5; 75, 34].

За пределами Крыма сопоставимые кувшины зафиксированы в погребении, совершенном в культурном слое Танаиса, и в подбойной могиле конца IV – начала V в. н.э. Танаисского некрополя [12, с. 95, 98, табл. XVI, 1, 3].

Вариант **C2** (1 экз.). Со средней высоты цилиндрическим горлом. Представлен фрагментом сосуда 2 ТГ с подовальной в сечении кольцевидной ручкой из склепа № 182 (рис. 14, 8).

Подобные кувшины, насколько можно судить по сохранившейся части алмалыкского экземпляра, известны в склепах IV в. н.э. Дружного (№№ 66, 81) [24, с. 340, рис. 10: 2, 3; 99, с. 30, 34, рис. 163: 4; 187: 3] и Нейзаца (№ 6) (раскопки И.Н. Храпунова), а также в склепах конца IV – начала V в. н.э. Инкермана [19, с. 40, рис. 14, 6], Фронтного 3 [94, с. 70, рис. 2, 13, 17, 18] и первой половины V в. н.э. Скалистого [21, с. 101, 192, рис. 74, 6].

Примечательно, что в I – начале II в. н.э. кувшины варианта C2 помещали в погребения Подкумского могильника на Северном Кавказе [1, с. 134, рис. 49, 17].

Вариант **E2** (1 экз.). Со средней высоты цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком. Представлен фрагментированным сосудом 2 ТГ без дна с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 166/2004 (рис. 14, 9).

Вариант **E3** (1 экз.). С высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком. Представлен реконструированным сосудом 1 ТГ с подтреугольной в сечении ручкой (утрачена) из склепа № 178/2005 (рис. 14, 10).

Точных аналогов кувшину варианта E2 не встречено, а вот кувшинов с таким же, но более высоким горлом (вариант E3) достаточно. Они присутствовали в трупосожжении IV в. н.э. плитовой могилы 55 некрополя Чатыр-Даг [76, с. 215, 217, рис. 118, 3], в одновременных склепах №№ 81, 84, 87 и скоплении посуды могильника Дружное [101, с. 259, рис. 148, 5; 24, с. 340–341, рис. 10: 4–6; 99, с. 34, 36, 37, рис. 187: 2; 197: 2; 198: 4; 210: 1]. От концов ручек двух друженских кувшинов отходят рельефные ребра, а основание горла еще одного орнаментировано врезной линией. Помещали подобную посуду в склепы первой половины V и V – VII вв. н.э. некрополей Лучистое [6, с. 289, 295, рис. 19, 1] и Скалистое [21, с. 11, 192, рис. 4, 14].

Похожие лепные изделия удалось отыскать в позднесарматских могилах Южного Приуралья и Северного Причерноморья [91, с. 194, табл. 75, 28, 29; 83, 28]. Считается, что сарматы изготовляли их по образцам донских и кубанских гончарных центров, а сосуд из Чатыр-Дага (с кольцевым поддоном), видимо, имитирует античные краснолаковые кувшины.

Рис. 15. Кувшины. 1 – тип 4; 2 – тип 5; 3-5 – тип 6 (3 – подтип 1; 4 – подтип 2, вариант В2; 5 – подтип, вариант Е2).

Тип 4 (1 экз.). С расширенным в средней части сферо-коническим туловом средних пропорций и высоким цилиндрическим горлом с отогнутым венчиком. Представлен сосудом 2 ТГ с выделенным дном и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 178/2005. В основании горла расположен горизонтальный валик, а от обоих концов ручки отходят короткие изогнутые рельефные отростки (рис. 15, 1).

Точных аналогий не обнаружено, но кувшины с такой довольно редкой формой тулова, отличающиеся пропорциями, местом расположения максимального расширения и профилировкой горла, зафиксированы в комплексах IV в. н. э. могильников Карасу-Баши, Отаркой, Розенталь [107, рис. 3: 9; 9: 10; 13: 5], Дружное [24, с. 341, рис. 10: 9, 10, 12; 99, с. 30, рис. 162: 3, 5], Нейзац [100, с. 23, рис. 11, 11; 14, 5] и Перевальное [28, с. 89, рис. 2, 10], а также в погребениях конца IV – начала

V в. н.э. Красного Мака [68, табл. I, 4], Сувлу-Кая [29, рис. 7, 11] и первой половины V в. н.э. Лучистого [6, с. 277, 295, 309, рис. 5, 7].

Тип 5 (1 экз.). С расширенным в нижней части приземистым сферо-коническим туловом и средней высоты расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 157/2003 (рис. 15, 2).

Очень похожий кувшин, но с более отчетливо выраженной биконичностью тулова, присутствовал в склепе 10 синхронного Красномакского могильника [68, табл. I, 13].

Тип 6 (3 экз.). С расширенным в средней части округло-биконическим туловом.

Подтип 1 (1 экз.). С приземистым туловом и низким расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен частично фрагментированным миниатюрным сосудом 1 ТГ с узким дном, широким горлом и утраченной ручкой из склепа № 2/1996 (рис. 15, 3). Аналогии не обнаружены.

Подтип 2 (1 экз.). С туловом средних пропорций.

Вариант В2 (1 экз.). Со средней высоты расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении ручкой из склепа № 157/2003 (рис. 15, 4).

Сходство с алмалыкским имеют кувшины, которые хронологически распределяются следующим образом. Датирующиеся II – первой половиной III в. н.э. известны на Северном Кавказе в могильнике Нижний Джулат [1, с. 158, рис. 61, 1], в подбойной могиле III в. н.э. некрополя Танаиса [12, с. 82, табл. XVII, 4], в грунтовых могилах №№ 38 и 65 Дружного [24, с. 342, рис. 11: 2; 99, с. 24, 29, рис. 122: 2; 157: 4], в подбойной могиле III – IV в. н.э. № 16 и скоплении посуды некрополя Нейзац (раскопки И.Н. Храпунова), а также в склепе IV – VI вв. н.э. боспорского некрополя Сиреневая бухта [74, с. 34, рис. 55, 4] и в подбойной могиле V – VII вв.н.э. Скалистинского могильника в Юго-Западном Крыму [21, с. 125, 192, рис. 90, 28].

Вариант Е2 (1 экз.). Со средней высоты цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком. Представлен сосудом 2 ТГ с овально-подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из подбойной могилы № 18/2004 (рис. 5, 5).

Аналогии обнаружены в склепе IV в. н.э. № 66 Дружного [24, с. 342, рис. 11: 4, 6; 99, с. 30, рис. 162: 2, 4], яме с сосудами Нейзаца (раскопки И.Н. Храпунова) и в склепе IV – начала V в. н.э. № 5 некрополя Совхоз 10 [32, с. 257, 266, 271, рис. 2, 12]. От концов ручек друженских кувшинов отходят рельефные ребра, на верхнем изгибе ручки экземпляра из Совхоза 10 расположен вертикальный цилиндрический выступ, а основание горла нейзацкого украшено рельефным валиком.

Идентичные по форме, но не лепные, а гончарные сероглиняные кувшины производились до начала III в. н.э. на нижнедонских поселениях [16, с. 87, 91, рис. 33, 7].

Тип 7 (1 экз.). С расширенным в верхней части биконическим туловом средних пропорций и высоким цилиндрическим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 188/2008 (рис. 16, 1).

Точные аналоги отсутствуют, но горло такой же формы, при отличающихся пропорциях тулова, имеют крупный сосуд из находок II – III в. н.э. позднескифского поселения Тарпанчи [41, с. 18, табл. 24, 11], а также боспорские кувшины III – IV в. н.э. из Семеновки и Илурата [8, табл. CL, 38, 40].

Рис. 16. Кувшины. 1 – тип 7; 2 – тип 8; 3-6 – тип 9 (3 – подтип 1, вариант В3; 4 – подтип 1, вариант Е3; 5 – подтип 2, вариант А3; 6 – подтип 2, вариант В2); 7 – фрагмент с зигзагообразным орнаментом.

Тип 8 (1 экз.). С расширенным в средней части приземистым биконическим туловом (плечи отделены от придонной части острым ребром) и средней высоты расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен относительно широкогорлым сосудом 1 ТГ на низком кольцевом поддоне с подтреугольной в сечении ручкой (утрачена) из Т-образной могилы № 1/2007. Для крепления ручки использовался такой технический прием, когда ее нижний конец оформлялся в виде конического шипа, который вставлялся в сквозное отверстие стенки тулова (рис. 16, 2). Такой способ крепления ручек характерен для ЛП, преимущественно кувшинов, Северного Кавказа, а также крымских могильников позднееримского – раннесредневекового времени.

Прямые соответствия неизвестны. Все кувшины с приземистым биконическим туловом из могильников Дружное и Фронтное 3 не имеют кольцевых поддонов, их горло значительно уже и иной конфигурации. Ближайшей морфологической параллелью может служить кувшин из склепа 10 могильника середины IV – V в. н.э. Красный Мак [68, табл. I, 12].

Тип 9 (4 экз.). С расширенным в средней части биконическим туловом (плечи отделены от придонной части острым ребром).

Подтип 1 (2 экз.). С приземистым туловом.

Вариант В3 (1 экз.). С высоким расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 185/2006. На верхнем изгибе ручки расположен вертикальный конический налест, а от боковых сторон нижнего конца ручки отходят короткие рельефные отростки (рис. 16, 3).

Очень похожий кувшин с рельефным выступом на верхнем изгибе ручки происходит из погребения 137 могильника Фронтное 3. Е.В. Суханов отмечает, что в захоронениях могильника такие кувшины найдены с краснолаковыми сосудами второй половины III – IV вв. [94, с. 69, рис. 2, 2].

Вариант Е3 (1 экз.). С высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 159/2003 (рис. 16, 4).

Сопоставимые кувшины, имевшие горизонтальный валик в основании горла, входили в состав инвентаря погребений склепа IV в. н.э. № 66 и присутствовали в скоплении керамики над склепом № 76 могильника Дружное [24, с. 343, рис. 11: 12, 13; 99, с. 30, 33, рис. 162: 5; 178: 2]. Других аналогий отыскать не удалось. Возможно, описанные кувшины воспроизводят такие же по форме, но гончарные сосуды, которые изготавливались в керамических мастерских Нижнего Подонья, например, Кобякова городища [16, с. 85, 87, 91, рис. 33, 7] или же черняховские, например, из погребений 350/355 – 400/410 гг. могильника Журавка [35, с. 43, 44, 48–49, табл. 61, 3; 62, 5].

Подтип 2 (2 экз.). С туловом средних пропорций

Вариант А3 (1 экз.). С высоким расширяющимся гиперболоидным горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой (утрачена) из склепа № 185/2006 (рис. 16, 5).

С некоторыми отличиями в профилировке места перегиба тулова и высоте горла, параллели форме присутствовали в захоронениях могильника Фронтное 3 [94, с. 69, 70, рис. 2, 5, 22].

Вариант **В2** (1 экз.). Со средней высоты расширяющимся усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом 1 ТГ с подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 6/2001. Основание горла орнаментировано слабопрофилированным горизонтальным валиком, от боковых сторон нижнего конца ручки отходят короткие рельефные отростки, а ее внешняя сторона профилирована 4-мя бороздками (рис. 16, 6).

Наиболее многочисленны такие кувшины в могильнике Дружное (склепы IV в. н.э. №№ 27, 66, 85, подбойная могила № 6) [24, с. 343, рис. 12: 5–7; 99, с. 17, 27, 30, 36, рис. 78: 1; 112: 17; 161: 6; 202: 3]. Подобный сосуд обнаружен также в склепе некрополя III – VI вв. н.э. Сиреневая бухта на Боспоре [74, с. 34, рис. 34, 10].

Ниже опишем фрагмент верхней части кувшина 1 ТГ с высоким расширяющимся гиперболиоидным горлом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 157/2003 (рис. 16, 7). Основание горла сосуда орнаментировано двумя горизонтальными процарапанными линиями, между которыми расположена зигзагообразная.

Кувшинов, декорированных сходным образом, немного. Один происходит из разрушенного погребения у с. Хмельницкое (Юго-Западный Крым). Основание его горла украшено валиком, под которым расположена врезная зигзагообразная линия [84, с. 151, рис. 43, 2]. Еще один частично фрагментированный кувшин находился в скоплении посуды над склепом № 39 могильника Дружное. Его плечи орнаментированы тремя параллельными горизонтальными врезными линиями, образывавшими два пояса. Верхний пояс заполнен подтреугольными косыми вдавлениями, а в нижнем располагалась волнисто-зигзагообразная врезная линия [24, с. 341, рис. 10: 16; 99, с. 25, рис. 125: 5].

Наибольшее же количество посуды, причем разных категорий, которая орнаментирована прочерченными зигзагами, встречено в комплексах IV в. н.э. могильника Нейзац. Это своего рода «визитная карточка» данного памятника. Количество зигзагообразных линий варьирует от одной до трех, но обычно их две [100, с. 23, рис. 11–12; 27, с. 318, рис. 4]. По всей видимости, прочерченный зигзагообразный орнамент повторял характерный декор гончарных сосудов черняховской культуры, который, как правило, наносился в технике лощения [89, с. 141–143].

Сравнительно-типологический анализ ЛП могильника Алмалык-дере, в целом, демонстрирует ее общее культурное единство с ЛП из других крымских могильников позднеантичного и раннесредневекового времени, при наличии локальных особенностей, которые проявляются в технике и технологии производства, в составе и структуре керамического комплекса, а также в морфологии и орнаментации.

Как и лепным изделиям из Дружного, Нейзаца, Опушек, Перевального, Фронтное 3 и других синхронных и однокультурных могильников, формовочной

массе экземпляров из Алмалыка присуще большое количество частиц мелко толченой ракушки. Прежде при изготовлении ЛП введение такой добавки жителями Таврики не практиковалось. Это инновация в технологии производства керамических сосудов, которая появилась и получила широкое распространение на полуострове в позднеримское время, став надёжным культурно-хронологическим индикатором изделий и памятников IV – первой половины V вв. н.э. [25, с. 103; 26, с. 317].

Морфологические соответствия алмалыкским изделиям встречены в комплексах IV в. н.э. центрально-крымских могильников Курское, Дружное, Нейзац, Перевальное, а также в погребениях второй половины IV – первой половины V вв. могильников Юго-Западного Крыма Красный Мак, Сувлу-Кая, Фронтное 3, Мангуш, Скалистое, Инкерманский, Лучистое. Причем, больше всего их обнаруживается в Дружном и Нейзаце.

С ЛП из перечисленных выше памятников алмалыкскую сближает и структура изделий разного функционального назначения. В ее наборе представлены численно преобладающие миски, кувшины, кружки и горшки, однако здесь довольно много кубков, которые на других могильниках встречаются значительно реже и наоборот, достаточно распространенные ковши, в Алмалыке, за единственным исключением, вовсе отсутствуют. Совершенно не представлены среди мисок из Алмалыкского могильника изделия с ручками (горизонтальными, вертикальными кольцевидными или петлевидными, а также с ручками-упорами), которые известны на других некрополях (Дружное, Нейзац, Фронтное 3).

В сравнении с посудой из могильников Юго-Западного Крыма, которая практически лишена декора, несколько алмалыкских изделий, в особенности кувшины, орнаментированы (рельефный выступ на верхнем изгибе ручки кувшина; горизонтальный валик в основании горла; валикообразные отростки от мест прилепов ручек; процарапанный зигзаг). Подобные декоративные элементы часто использовались на посуде из Дружного и Нейзаца, присутствовали разнообразные валиковые отростки от ручек и на лепной посуде из Красного Мака [68, с. 193, 206–207, рис. 2, 1, 2; 9, 2; табл. I, 1, 8], а также из ранних комплексов средневековых некрополей Лучистое [6; 7] и Скалистое [84, с. 151, рис. 43, 3, 4].

При сопоставлении образцов керамического комплекса могильника Алмалык с лепными изделиями других памятников Крыма и соседних территорий, в составе алмалыкского комплекса можно выделить несколько разнородных по происхождению групп ЛП. Прежде всего, это т.н. «этнически нейтральные» сосуды, распространенные у разных древних народов, живших на обширных территориях Евразии, а также изделия, которые либо вообще не обнаруживают параллелей, либо встречаются только в других крымских могильниках позднеримского – раннесредневекового времени. Далее следует посуда, для которой наиболее вероятны северокавказские истоки. Выделяются также группы сосудов, связанные по происхождению с населением Европейского и Азиатского Боспора, с крымскими поздними скифами, а также с сарматами и германцами. Незначительный процент составляют изделия, повторявшие формы краснолаковых мисок и кувшинов.

По мнению авторов монографии об Алмалыке, возникновение некрополя связано с приходом группы нового населения, состоявшего из восточных германцев (готов) и алан, в которой аланский компонент преобладал [115, S. 19]. Выделенные нами группы гетерогенной ЛП могильника Алмалык, предполагают бóльшую этнокультурную неоднородность ее изготовителей.

Отмеченное для крымской ЛП обилие мелких известковых частиц отличает и северокавказскую ЛП сарматской эпохи [1, с. 39]. Данное обстоятельство, в дополнение к обнаруженным северокавказским аналогиям ЛП из Алмалыка и других крымских могильников, еще раз убеждает в правомерности предположения о миграциях в Крым групп ираноязычного сарматского (аланского) населения, перманентно происходивших еще с I – II вв. н.э. [25, с. 109–111]. Примерно, с рубежа II – III вв. н.э. на территорию Крымского полуострова переселялись новые группы варваров – аланы и, судя по всему, германцы. Во второй половине III и в IV вв. н.э. отдельные коллективы аланских и германских мигрантов перемещались в центральные и юго-западные районы Крыма. Вместе с ними, очевидно, находилась какая-то часть боспорян и уцелевших поздних скифов [26, с. 200].

Избирательность аналогий миске типа 5 с концентрическими рельефными валиками на дне из склепа № 158/2003 могильника Алмалык, которые известны еще только на мисках могильников Дружное и Нейзац, а также использование некоторых декоративных приемов, в частности, орнаментации в виде прочерченной загзагообразной линии, такой же, как в Дружном и Нейзаце, вряд ли является случайным. Скорее всего, это свидетельствует о родственности коллективов, хоронивших на этих древних кладбищах, а отличия в хронологии упомянутых мисок позволяют говорить о переселении людей, оставивших могильники Дружное и Нейзац, из центральной части полуострова в юго-западную, где ими был заложен могильник Алмалык-дере.

Соглашаясь с И.Н. Храпуновым, в том, что появление в середине – второй половине IV в. таких могильников как Алмалык-дере, Красный Мак и Сувлу-Кая связано с миграциями отдельных групп населения внутри полуострова [100, с. 127], выскажем предположение, что это было преднамеренное переселение варварских коллективов из равнинных центральных районов Крыма в более труднодоступные и безопасные гористые области южной и юго-западной Таврики накануне гуннского вторжения. Не исключено также, что эти перемещения имели целенаправленный характер и были инициированы Римом, поскольку обосновавшиеся здесь контингенты крымских варваров в случае необходимости могли бы выступить защитниками Херсонеса – последнего форпоста Империи в Северном Причерноморье.

Около середины VI в. н.э., принимая во внимание находки ЛП из склепа № 57/1997, в среду людей, которые заложили и в течение длительного времени хоронили на могильнике Алмалык-дере своих умерших сородичей, произошло инкорпорирование какого-то нового варварского этнического компонента.

Изучение ЛК позволило выяснить предположительный состав населения, похороненного в склепах и подбойных могилах Алмалык-дере. Возможно,

привлечение данных анализа других материалов раскопок памятника внесет коррективы в полученные нами результаты.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – М.: б.и., 1993. – 240 с.
Abramova M. P. Central'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.). – М.: б.и., 1993. – 240 s.
2. Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв.н.э.– М., 1997.– 165 с.
Abramova M.P. Rannie alany Severnogo Kavkaza III – V vv.n.e.– М., 1997.– 165 s.
3. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1990.– Вып. I.– С. 4–87.
Ajbabın A. I. Hronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 1990.– Vyp. I.– S. 4–87.
4. Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1994.– Вып. IV.– С. 89–103.
Ajbabın A. I. Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoe v 1984 godu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 1994.– Vyp. IV.– S. 89–103.
5. Айбабин А. И., Мульд С. А., Хайрединова Э. А. Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1994 год.– Симферополь, 1997.– С. 14–15.
Ajbabın A. I., Mul'd S. A., Hajredinova E. A. Issledovanie rannesrednevekovogo mogil'nika u s. Luchistoe // Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god.– Simferopol', 1997.– S. 14–15.
6. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1998.– Вып. VI.– С. 274–311.
Ajbabın A. I., Hajredinova E. A. Rannie komplekсы mogil'nika u sela Luchistoe v Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 1998.– Vyp. VI.– S. 274–311.
7. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2001.– Вып. VIII.– С. 74–90.
Ajbabın A. I., Hajredinova E. A. Novye rannie komplekсы iz mogil'nika u s. Luchistoe v Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2001.– Vyp. VIII.– S. 74–90.
8. Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР с древнейших времен до средневековья / АН СССР. Ин-т археологии.– М., 1984.– Т.10.– 392 с.
Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / Arheologiya SSSR s drevnejshih времен do srednevekov'ya / AN SSSR. In-t arheologii.– М., 1984.– Т.10.– 392 s.
9. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. Открытые сосуды // Материалы и исследования по археологии.– М.; Л., 1965.– № 127.– С. 169–201.
Arsen'eva T. M. Lepnaya keramika Tanaisa. Otkrytye sosudy // Materialy i issledovaniya po arheologii.– М.; Л., 1965.– № 127.– S. 169–201.
10. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. Горшки // Материалы и исследования по археологии.– М.; Л., 1969.– № 154.– С. 173–219.
Arsen'eva T. M. Lepnaya keramika Tanaisa. Gorshki // Materialy i issledovaniya po arheologii.– М.; Л., 1969.– № 154.– S. 173–219.
11. Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э.– М., 1970.– С. 82–149.
Arsen'eva T. M. Mogil'nik u der. Novo-Otradnoe // Poseleniya i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e.– М., 1970.– S. 82–149.
12. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса.– М., 1977.– 152 с.
Arsen'eva T. M. Nekropol' Tanaisa.– М., 1977.– 152 s.

13. Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР.– К., 1963.– Т. XIII.– С. 90–123.
Babenchikov V. P. SChornorichens'kij mogil'nik // Arheologichni pamyatki URSR.– К., 1963.– Т. XIII.– С. 90–123.
14. Белый О. Б., Неневоля И. И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма.– Симферополь, 1994.– С. 251–255.
Belyj O. B., Nenevolya I. I. Ohrannyye raboty na territorii Bahchisarajskogo rajona v 1993 g. // Problemy istorii i arheologii Kryma.– Simferopol', 1994.– С. 251–255.
15. Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // Советская археология.– М., 1976.– № 4.– С. 121–152.
Bogdanova N. A., Gushchina I. I., Loboda I. I. Mogil'nik Skalistoe III v YUgo-Zapadnom Krymu (I–III vv.) // Sovetskaya arheologiya.– М., 1976.– № 4.– С. 121–152.
16. Братченко С. Н., Косяненко В. М. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобыкова и Подазовского городища) // Донские древности. – Азов, 1994.– Вып. 2.– С. 80–101.
Bratchenko S. N., Kosyanenko V. M. Nizhnedonskoj goncharnyj centr pervykh vekov nashej ery (po materialam goncharnykh masterskiy Kobyakova i Podazovskogo gorodishch) // Donskie drevnosti. – Azov, 1994.– Вып. 2.– С. 80–101.
17. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // Материалы и исследования по археологии.– М.; Л., 1953.– № 34.– С. 419–429.
Vejmarn E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nykh sten i nekro-polya // Materialy i issledovaniya po arheologii.– М.; Л., 1953.– № 34.– С. 419–429.
18. Веймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.– С. 219–237.
Vejmarn E. V. Raskopki Inkermanskogo mogil'nika v 1948 g. // Istoriya i arheologiya drevnego Kryma. Kiev, 1957.– С. 219–237.
19. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР.– К., 1963.– Т. XIII.– С. 15–89.
Vejmarn E. V. Arheologichni roboti v rajoni Inkermana // Arheologichni pamyatki URSR.– К., 1963.– Т. XIII.– С. 15–89.
20. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? // Античная древность и средние века.– Свердловск, 1980.– Вып. 17.– С. 19–33.
Vejmarn E. V. Ot kogo mogli zashchishchat' gotov v Krymu «dlinnye steny» Prokopiya? // Antichnaya drevnost' i srednie veka.– Sverdlovsk, 1980.– Вып. 17.– С. 19–33.
21. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник.– Киев, 1993.– 206 с.
Vejmarn E. V., Ajbabin A. I. Skalistinskij mogil'nik.– Киев, 1993.– 206 s.
22. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма.– Симферополь, 1994.– С. 82–88.
Vdovichenko I. I., Koltuhov S. G. Mogil'nik rimskogo vremeni u s. Tankovoe // Problemy istorii i arheologii Kryma.– Simferopol', 1994.– С. 82–88.
23. Власов В. П. Лепная керамика позднекифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник.– Симферополь, 1997.– Вып. 1.– С. 204–303.
Vlasov V. P. Lepnaya keramika pozdneskifskogo Bulganakskogo gorodishcha // Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik.– Simferopol', 1997.– Вып. 1.– С. 204–303.
24. Власов В. П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре / под ред. М. И. Гладких, М. Е. Левада. – Киев, 1999. – С. 322–371.
Vlasov V. P. Lepnaya keramika iz nekropolya III–IV vv. n.e. Druzhnoe v Krymu // Sto let chernyahovskoj kul'ture / pod red. M. I. Gladkih, M. E. Levada. – Kiev, 1999. – С. 322–371.
25. Власов В. П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2003.– Вып. X.– С. 98–124.

Vlasov V. P. Severokavkazskie paralleli v lepnoj keramike Kryma rimskogo i rannesred-nevekovogo vremeni // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2003.– Вып. X.– С. 98–124.

26. Власов В. П. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первые века н.э. // Боспорские исследования. – Керчь, 2007. – Вып. XVI. – С. 191–201.

Vlasov V. P. Bospor i migracionnye processy v Krymu v pervye veka n.e. // Bosporskie issledovaniya. – Kerch', 2007. – Вып. XVI. – С. 191–201.

27. Власов В. П. Лепная посуда IV-V вв. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма: общее и особенное // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мاستыкова, Э. А. Хайрединоva. М.: ИА РАН, 2022. – С. 315–324.

Vlasov V. P. Lepnaya posuda IV-V vv. iz mogil'nikov Central'nogo i YUgo-Zapadnogo Kryma: obshchee i osobennoe // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / Отв. red. A. V. Mastykova, E. A. Hajredinova. M.: IA RAN, 2022. – С. 315–324.

28. Власов В. П., Масыкин В. В., Стоянова А. А., Труфанов А. А. Могильник позднеимского времени Перевальное: обзор основных категорий погребального инвентаря (по материалам раскопок 1988-1990 гг.) // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединоva. – Симферополь, 2024. – С. 86–97.

Vlasov V. P., Masyakin V. V., Stoyanova A. A., Trufanov A. A. Mogil'nik pozdnerimskogo vremeni Pereval'noe: obzor osnovnyh kategorij pogrebal'nogo inventarya (po materialam raskopok 1988–1990 gg.) // Etnokul'turnye processy na severnyh granicah Vostochnoj Rim-skoj imperii: sbornik statej / Отв. red. A. I. Ajbabin, E. A. Hajredinova. – Simferopol', 2024. – С. 86–97.

29. Волошинов А. А., Масыкин В. В. Склеп гуннского времени из могильника Сувлу-Кая (предварительная публикация) // История и археология Крыма. – Симферополь, 2023. – Вып. 18. – С. 212–227.

Voloshinov A. A., Masyakin V. V. Sklep gunnskogo vremeni iz mogil'nika Suvlu-Kaya (pred-varitel'naya publikaciya) // Istoriya i arheologiya Kryma. – Simferopol', 2023. – Вып. 18. – С. 212–227.

30. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. – Киев, 1972. – 192 с.

Vysotskaya T. N. Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu. – Kiev, 1972. – 192 s.

31. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – Киев, 1979. – 208 с.

Vysotskaya T. N. Neapol' – stolica gosudarstva pozdnih skifov. – Kiev, 1979. – 208 s.

32. Высотская Т. Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. – С. 256–273.

Vysotskaya T. N. Sklepy mogil'nika Sovhoz № 10 (Sevastopol'skij): problemy etnosa i hronologii // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 1998. – Вып. VI. – С. 256–273.

33. Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. – Киев, 1994. – 208 с.

Vysotskaya T. N. Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'. – Kiev, 1994. – 208 s.

34. Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. – Киев, 1983. – С. 66–80.

Vysotskaya T. N., Mahneva O. A. Novye pozdneskifskie mogil'niki v Central'nom Krymu // Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. – Kiev, 1983. – С. 66–80.

35. Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М., 1997. – 144 с.

Gej O. A., Bazhan I. A. Hronologiya epohi «gotskih pohodov» (na territorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza). – M., 1997. – 144 s.

36. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 272 с.

Gercen A. G., Naumenko V. E., SHvedchikova T. YU. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.). – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. – 272 s.

37. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. – Симферополь, 2020. – Вып. 13. – С. 111–128.

Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gancev V. K., Iozhica D. V., Nabokov A. I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorec, «cerkov' 1968 g.», Almalykskij mogil'nik // *Istoriya i arheologiya Kryma*.– Simferopol', 2020.– Вып. 13.– С. 111–128.

38. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв.н.э.– Киев, 1984.– 119 с.

Gudkova A. V., Fokeev M. M. Zemledel'cy i kochevniki v nizov'yah Dunaya I–IV vv.n.e.– Kiev, 1984.– 119 s.

39. Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // *Археологические исследования на юге восточной Европы*.– М., 1974.– С. 32–64.

Gushchina I. I. Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu (po materialam mogil'nikov) // *Arheologicheskie issledovaniya na yuge vostochnoj Evropy*.– М., 1974.– С. 32–64.

40. Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // *Археологические исследования на юге восточной Европы*.– М., 1982.– С. 20–30.

Gushchina I. I. O lokal'nyh osobennostyah kul'tury naseleniya Bel'bekskoj doliny Kryma v pervye veka n.e. // *Arheologicheskie issledovaniya na yuge vostochnoj Evropy*.– М., 1982.– С. 20–30.

41. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // *Свод археологических источников*.– М.: Наука, 1991.– Вып. Д1-7.– 140 с.

Dashevskaya O. D. Pozdnie skify v Krymu // *Svod arheologicheskikh istochnikov*.– М.: Nauka, 1991.– Вып. D1-7.– 140 s.

42. Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*.– Симферополь, 1997.– С. 102–116.

Zajcev YU. P. Ohrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bahchisarajskom rajonah // *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god*.– Simferopol', 1997.– С. 102–116.

43. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV в.н.э.– Киев, 1982.– 146 с.

Zubar' V. M. Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I–IV v.n.e.– Kiev, 1982.– 146 s.

44. Иванова О. С. Краснолаковые сосуды открытого типа группы «Pontic Red Slip» из раскопок могильника в балке Алмалык-дере // *Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*.– Керчь, 2009.– Вып. X.– С. 195–202.

Ivanova O. S. Krasnolakovye sosudy otkrytogo tipa gruppy «Pontic Red Slip» iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere // *Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvar-skij mir v period antichnosti i srednekov'ya*.– Kerch', 2009.– Вып. X.– С. 195–202.

45. Иванова О. С. Краснолаковая керамика группы Late Roman C из раскопок могильника в балке Алмалык-дере // «Terra Alustiana» матер. междунар. науч.-практ. конф.– Симферополь, 2009.– С. 10–22.

Ivanova O. S. Krasnolakovaya keramika gruppy Late Roman C iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere // «Terra Alustiana» mater. mezhhdunar. nauch.-prakt. konf.– Simferopol', 2009.– С. 10–22.

46. Иванова О. С. Торговые связи населения Мангупа и его округа в раннее средневековье (по амфорам из комплексов некрополя в балке Алмалык-дере, Мангуп) // *Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*.– Керчь, 2011.– Вып. XII.– С. 153–164.

Ivanova O. S. Torgovye svyazi naseleniya Mangupa i ego okrugi v rannee srednekov'e (po amforam iz kompleksov nekropolya v balke Almalyk-dere, Mangup) // *Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednekov'ya*.– Kerch', 2011.– Вып. XII.– С. 153–164.

47. Иванова О. С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*.– Симферополь, 2011а.– Вып. XVII.– С. 266–327.

Ivanova O. S. Uzkogorlye svetloglinyanye amfory iz raskopok Mangupa // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*.– Simferopol', 2011a.– Вып. XVII.– С. 266–327.

48. Иванова О. С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.): сборник науч. ст. под ред. И. Н. Храпунова*.– Симферополь-Бахчисарай, 2013.– С. 93–154.

- Ivanova O. S. Amfory pozdnerimskogo vremeni iz raskopok Mangupa // Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – IV v. n.e.): sbornik nauch. st. pod red. I. N. Hrapunova.– Simferopol'-Bahchisaraj, 2013.– S. 93–154.
49. Казакова Л. М., Каменецкий И. С. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 году // Археологические памятники Нижнего Подонья.– М., 1974. – Вып. II.– С. 137–150.
- Kazakova L. M., Kameneckij I. S. Ohrannye raskopki nekropolya Tanaisa v 1968 godu // Arheologicheskie pamyatniki Nizhnego Podon'ya.– М., 1974. – Вып. II.– С. 137–150.
50. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Ред. на: Magdalena Mączyńska, Alexandr Gercen, Olga Ivanova, Sergej Černyš, Sergej Lukin, Agnieszka Urbaniak, Jan Bemann, Katharina Schneider, Ireneusz Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2017.– Вып. XXII.– С. 568–573.
- Kazanskij M. M., Mastykova A. V. Rec. na: Magdalena Mączyńska, Alexandr Gercen, Olga Ivanova, Sergej Černyš, Sergej Lukin, Agnieszka Urbaniak, Jan Bemann, Katharina Schneider, Ireneusz Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2017.– Вып. XXII.– S. 568–573.
51. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов.– Л.; Наука, 1981.– 176 с.
- Kastanayan E. G. Lepnaya keramika bosporskih gorodov.– Л.; Nauka, 1981.– 176 s.
52. Каспарова К. В., Шукин М. Б. Могильник Могиляны–Хмельник в Ровенской области // Труды Государственного Эрмитажа.– 1979.– Т. XX.– С. 147–168.
- Kasparova K.V., Shchukin M. B. Mogil'nik Mogilyany–Hmel'nik v Rovenskoj oblasti // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.– 1979.– Т. НКН.– S. 147–168.
53. Катюшин Е. А. Курганный могильник I в. до н.э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1996.– Вып. V.– С. 21–31.
- Katyushin E. A. Kurgannyj mogil'nik I v. do n.e. – II v. n. e. v okrestnostyah Feodosii // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 1996.– Вып. V.– S. 21–31.
54. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / Колпаков Е. М., Бочкарев В. С., Васкул И. О. и др.– М.: Наука, 1990.– 156 с.
- Klassifikaciya v arheologii. Terminologicheskij slovar'-spravochnik / Kolpakov E. M., Bochkarev V. S., Vaskul I. O. i dr.– М.: Nauka, 1990.– 156 s.
55. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы).– Киев, 1996.– 157 с.
- Kolotuhin V. A. Gornyj Krym v epohu pozdnej bronzy – nachale zheleznoho veka (Etnokul'turnye processy).– Kiev, 1996.– 157 s.
56. Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія.– Київ, 1973. – Вип. 8.– С. 27–45.
- Korpusova V. M. Sil's'ke naseleння pizn'oantichnoho Bosporu // Arheologiya.– Kiiv, 1973. – Vip. 8.– S. 27–45.
57. Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія.– Київ., 1972. – Вип. 6.– С. 41–55.
- Korpusova V. M. Pro naseleння hori antichnoї Feodosii // Arheologiya.– Kiiv., 1972. – Vip. 6.– S. 41–55.
58. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора).– Киев, 1983.– 184 с.
- Korpusova V. N. Nekropol' Zolotoe (K etnokul'turnoj istorii evropejskogo Bospora).– Kiev, 1983.– 184 s.
59. Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э.– Киев, 1993. – 184 с.
- Krapivina V. V. Ol'viya. Material'naya kul'tura I-IV vv.n.e.– Kiev, 1993.– 184 s.
60. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // Свод археологических источников.– М., 1981. – Вып. Д1-7.– 130 с.
- Kris H. I. Kizil-kobinskaya kul'tura i tavry // Svod arheologicheskikh istochnikov.– М., 1981. – Вып. D1-7.– 130 s.
61. Кругликова И. Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // Материалы и исследования по археологии.– М.; Л., 1951.– № 19.– С. 87–106.

- Kruglikova I. T. Fanagorijskaya mestnaya keramika iz gruboj gliny // *Materialy i issledovaniya po arheologii.*– М.; Л., 1951.– № 19.– С. 87–106.
62. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории).– М, 1966.– 224 с.
- Kruglikova I. T. Bospor v pozdneantichnoe vremya (Ocherki ekonomicheskoy istorii).– М, 1966.– 224 с.
63. Кругликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки // *Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э.*– М.,1970.– С. 4–81.
- Kruglikova I. T. Raskopki poseleniya u der. Semenovki // *Poseleniya i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e.*– М.,1970.– С. 4–81.
64. Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // *Материалы и исследования по археологии.*– М.; Л., 1954.– № 33.– С. 78–113.
- Kruglikova I. T. O mestnoj keramike Pantikapeya i ee znachenii dlya izucheniya sostava naseleniya etogo goroda // *Materialy i issledovaniya po arheologii.*– М.; Л., 1954.– № 33.– С. 78–113.
65. Кутайсов В. А., Анохин В. В., Приднев С. В., Уженцев В. Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // *Археологические исследования в Крыму. 1994 год.*– Симферополь, 1997.– С. 170–184.
- Kutajsov V. A., Anohin V. V., Pridnev S. V., Uzhencev V. B. Ohrannye raskopki gorodishcha i nekropolya Kalos Limena // *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god.*– Simferopol', 1997.– С. 170–184.
66. Кухаренко Ю. В. Баївський могильник // *Археологія.*– Київ.,1975. – Вип. 18.– С. 51–61.
- Kuharenko YU. V. Baïvs'kij mogil'nik // *Arheologiya.*– Kiiv.,1975. – Vip. 18.– С. 51–61.
67. Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // *Советская археология.*– М., 1977.– № 4.– С. 236–252.
- Loboda I. I. Raskopki mogil'nika Ozernoe III v 1963–1965 gg. // *Sovetskaya arheologiya.*– М., 1977.– № 4.– С. 236–252.
68. Лобода И. И. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.*– Симферополь, 2005.– Вып. XI.– С. 192–251.
- Loboda I. I. Raskopki Krasnomakskogo mogil'nika v 1983–1984 gg. // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.*– Simferopol', 2005.– Вып. XI.– С. 192–251.
69. Магомедов Б. В. Черняховское городище у с. Александровка // *Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э.*– Киев, 1987.– С. 26–41.
- Magomedov B. V. Chernyahovskoe gorodishche u s. Aleksandrovka // *Dnestro-Dunajskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys. n.e.*– Kiev, 1987.– С. 26–41.
70. Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования.– М.: Высшая школа, 1989.– 223 с.
- Martynov A. I., SHER YA. A. Metody arheologicheskogo issledovaniya.– М.: Vysshaya shkola, 1989.– 223 с.
71. Марченко К. К. Лепная керамика V–III вв. до н.э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // *Советская археология.*– М., 1972.– № 1.– С. 122–134.
- Marchenko K. K. Lepnaya keramika V–III vv. do n.e. s gorodishcha u stanicy Elisavetovskoj na Nizhnem Donu // *Sovetskaya arheologiya.*– М., 1972.– № 1.– С. 122–134.
72. Масленников А. А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // *Российская археология.*– М., 1994.– № 4.– С. 176–184.
- Maslennikov A. A. Raskopki na Uzunlarskom valu (Vostochnyj Krym) // *Rossijskaya arheologiya.*– М., 1994.– № 4.– С. 176–184.
73. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // *Боспорский сборник.*– 1995.– Вып. 8.– 122 с.
- Maslennikov A. A. Kamennye yashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniya evropejskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.) // *Bosporskiy sbornik.*– 1995.– Вып. 8.– 122 с.
74. Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора.– М., 1997.– 108 с.
- Maslennikov A. A. Semejnye sklepy sel'skogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora.– М., 1997.– 108 с.

75. Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья).– Воронеж, 1990.– 220 с.
Medvedev A. P. Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya).– Voronezh, 1990.– 220 s.
76. Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б., Щукин М. Б. Исследования Чатырдагского некрополя // Археологические исследования в Крыму. 1994 год.– Симферополь: СОНАТ, 1997.– С. 211–221.
Myc V. L., Lysenko A. V., Semin S. V., Teslenko I. B., Shchukin M. B. Issledovaniya Chatyrdagskogo nekropolya // Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god.– Simferopol': SONAT, 1997.– S. 211–221.
77. Набоков А. И., Голев С. А. Могилы с заплечиками Алмалыкского могильника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2022.– Т. 8.– № 4.– С. 138–162.
Nabokov A. I., Golev S. A. Mogily s zaplechikami Almalykskogo mogil'nika // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– Simferopol', 2022.– T. 8.– № 4.– S. 138–162.
78. Набоков А. И. Склепы раннесредневековых могильников Мангупа. Предварительная классификация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2022.– Т. 8.– № 4.– С. 104–137.
Nabokov A. I. Sklepy rannesrednevekovykh mogil'nikov Mangupa. Predvaritel'naya klassifikaciya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– Simferopol', 2022.– T. 8.– № 4.– S. 104–137.
79. Набоков А. И. Архитектура грунтовых склепов второй половины VI–VIII вв. на раннесредневековых могильниках округа Мангупа // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: матер. междунар. науч.-практ. конф. XV Международный Византийский семинар.– Симферополь, 2023.– С. 203–214.
Nabokov A. I. Arhitektura gruntovykh skleпов vtoroj poloviny VI–VIII vv. na rannesrednevekovykh mogil'nikah okrugi Mangupa // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. XV Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar.– Simferopol', 2023.– S. 203–214.
80. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Набоков А. И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова.– М.: ИА РАН, 2022.– С. 183–194.
Naumenko V. E., Gercen A. G., Nabokov A. I. Almalykskij mogil'nik v dokrepostnoj (pozdnerimskij) period istorii Mangupskogo gorodishcha // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова.– М.: ИА РАН, 2022.– S. 183–194.
81. Науменко В. Е., Набоков А. И. Могильник Алмалык-дере Мангупского городища. Основные результаты археолого-топографических исследований 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: матер. VIII Всероссийской научно-практической конференции.– Симферополь, 2022.– С. 102–117.
Naumenko V. E., Nabokov A. I. Mogil'nik Almalyk-dere Mangupskogo gorodishcha. Osnovnye rezultaty arheologo-topograficheskikh issledovanij 2020–2021 gg. // Aktual'nye vo-prosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: mater. VIII Vserossijskoj nauchno–prakticheskoi konferencii.– Simferopol', 2022.– S. 102–117.
82. Нессель В. А. Керамический комплекс из могильника Килен-Балка // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова.– М.: ИА РАН, 2022.– С. 297–305.
Nessel' V. A. Keramicheskij kompleks iz mogil'nika Kilen-Balka // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова.– М.: ИА РАН, 2022.– S. 297–305.
83. Патокова Э. Ф., Дзиговский А. Н., Зиньковский К. В. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье.– Киев, 1982.– С. 131–136.

- Patokova E. F., Dzigovskij A. N., Zin'kovskij K. V. Sarmatskie pogrebeniya Mayakskogo mogil'nika // Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Pricher-nomor'e.– Kiev, 1982.– S. 131–136.
84. Пиоро И. С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в поздне римский период и раннее средневековье).– Киев: Лыбидь, 1990.– 195 с.
- Pioro I. S. Krymskaya Gotiya (Ocherki etnicheskoy istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskij period i rannee srednevekov'e).– Kiev: Lybid', 1990.– 195 s.
85. Селиверстова К. Н. Обстоятельства возникновения Музея «пещерных городов» в Бахчисарае // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки.– Симферополь, 2017.– Т. 3(69).– № 3.– С. 147–159.
- Seliverstova K. N. Obstoyatel'stva vzniknoveniya Muzeya «peshchernyh gorodov» v Bahchisarae // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– Simferopol', 2017.– Т. 3(69).– № 3.– S. 147–159.
86. Сидоренко В. А. Исследования склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982.– М., 1984.– С. 328–330.
- Sidorenko V. A. Issledovaniya sklonov gory Mangup // Arheologicheskie otkrytiya 1982.– М., 1984.– S. 328–330.
87. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Материалы и исследования по археологии.– М.; Л., 1959.– № 60.– С. 39–205.
- Sinicyn I. V. Arheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otryada (1951–1953 gg.) // Materialy i issledovaniya po arheologii.– М.; Л., 1959.– № 60.– S. 39–205.
88. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / под ред. М. Г. Мошковой.– Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984.– 150 с.
- Skripkin A. S. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashej ery / pod red. M. G. Moshkovej.–Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1984.– 150 s.
89. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья / АН СССР. Ин-т археологии.– М., 1993.– Т. 13.– 328 с.
- Slavyane i ih sosedi v konce I tysyacheletiya do n.e. – pervoj polovine I tysyacheletiya n.e. / Arheologiya SSSR s drevnejshih времен do srednevekov'ya / AN SSSR. In-t arheologii.– М., 1993.– Т. 13.– 328 s.
90. Словник-довідник з археології. Довідкове видання.– Київ: Наукова думка, 1996.– 430 с.
- Slovník-dovídník z arheológii. Dovidkove vidannya.– Kiïv: Naukova dumka, 1996.– 430 s.
91. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР с древнейших времен до средневековья / АН СССР. Ин-т археологии.– М., 1989.– Т. 11.– 464 с.
- Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremena / Arheologiya SSSR s drevnej-shih времен do srednevekov'ya / AN SSSR. In-t arheologii.– М., 1989.– Т. 11.– 464 s.
92. Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Ч. I. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер.– Киев, 1990.– 40 с.
- Subbotin L. V., Dzigovskij A. N. Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunajskogo mezhdurech'ya. CH. I. Kurgannye mogil'niki Alkaliya i Hadzhider.– Kiev, 1990.– 40 s.
93. Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Ч. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский.– Киев, 1990.– 40 с.
- Subbotin L. V., Dzigovskij A. N. Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunajskogo mezhdurech'ya. CH. II. Kurgannye mogil'niki Divizijskij i Beloleskij.– Kiev, 1990.– 40 s.
94. Суханов Е. В. Лепная керамика римского времени могильника Фронтное 3 (предварительная публикация) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2020.– Вып. XXV.– С. 66–89.
- Suhanov E. V. Lepnaya keramika rimskogo vremeni mogil'nika Frontovoe 3 (predvaritel'naya publikaciya) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simfero-pol', 2020.– Vyp. XXV.– S. 66–89.
95. Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя скифского).– Киев, 1983.– 173 с.

Simonovich E. A. Naselenie stolicy pozdneskifskogo carstva (po materialam vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo).– Kiev, 1983.– 173 s.

96. Труфанов А. А. Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму // Российская археология.– М., 2012.– № 2.– С. 34–41

Trufanov A. A. Sklep IV v. n.e. iz nekropolya u s. Kurskoe v Krymu // Rossijskaya arheologiya.– М., 2012.– № 2.– С. 34–41.

97. Ушаков С. В. Лепная керамика позднеантичного Херсонеса // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А. В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова.– М.: ИА РАН, 2022.– С. 306–314.

Ushakov S. V. Lepnaya keramika pozdneantichnogo Hersonesa // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / Отв. red. A. V. Mastykova, E. A. Hajredino-va.– М.: IA RAN, 2022.– С. 306–314.

98. Храпунов И.Н. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н.э.).– Т.2.– Симферополь, 2016.– С. 11–36.

Hrapunov I.N. Issledovaniya mogil'nika Nejzac v 2011–2015 gg. // Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n. e. – IV v. n.e.) 20 let issledovaniya mogil'nika Nejzac.– Simferopol', 2016.– С. 11– 36.

99. Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры).– Lublin: Wydawnictwo Uniwersztetu Marii Curie.– Sklodowskiej, 2002.– 313 с.

Hrapunov I. N. Mogil'nik Druzhnoe (III-IV vv. nashej ery).– Lublin: Wydawnictwo Uniwer-sztetu Marii Curie.– Sklodowskiej, 2002.– 313 s.

100. Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац.– Симферополь, 2011.– С. 13–113.

Hrapunov I. N. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Nejzac // Issledovaniya mogil'nika Nejzac.– Simferopol', 2011.– С. 13–113.

101. Храпунов И. Н. Поздние погребения в могильнике Нейзац // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2005.– Вып. XI.– С. 169–191.

Hrapunov I. N. Pozdnie pogrebeniya v mogil'nike Nejzac // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2005.– Вып. XI.– С. 169–191.

102. Храпунов, И. Н. Население горного Крыма в позднеримское время // Вестник древней истории. – 2016.– Т. 76, № 1.– С. 118–134.

Hrapunov, I. N. Naselenie gornogo Kryma v pozdnerimskoe vremya // Vestnik drevnej isto-rii. – 2016.– Т. 76, № 1.– С. 118–134.

103. Храпунов И. Н., Мульд С. А. Население Центрального Крыма в IV в.н.э. по материалам могильников // тез. докл. междунар. конф. «Византия и Крым».– Симферополь, 1997.– С. 90–91.

Hrapunov I. N., Mul'd S. A. Naselenie Central'nogo Kryma v IV v.n.e. po materialam mogil'nikov // tez. dokl. mezhdunar. konf. «Vizantiya i Krym».– Simferopol', 1997.– С. 90–91.

104. Храпунов И. Н., Власов В. П. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.– Симферополь, 1995.– С. 3–31.

Hrapunov I. N., Vlasov V. P. Kizil-kobinskoe poselenie Shpil' // Problemy arheologii drevnego i srednevekovogo Kryma.– Simferopol', 1995.– С. 3–31.

105. Храпунов И. Н., Власов В. П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 1998.– Вып. VI.– С. 239–255.

Hrapunov I. N., Vlasov V. P. Podbojnaya mogila s mnogokratnymi pogrebeniyami iz mogil'nika Druzhnoe v Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 1998.– Вып. VI.– С. 239–255.

106. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // Краткие сообщения Института археологии.– 2016.– № 244.– С. 166–194.

Hrapunov I. N., Stoyanova A. A. Mogila № 9 (35) iz Chernorechenskogo mogil'nika v Krymu // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii.– 2016.– № 244.– С. 166–194.

107. Чуркин А. С., Шкрибляк И. И. Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму // Stratum Plus. Археология и культурная антропология.– 2017.– № 4.– С. 265–293.

Churkin A. S., Shkriblyak I. I. Novye pozdneantichnye nekropoli v Central'nom Krymu // *Stratum Plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya.* – 2017. – № 4. – S. 265–293.

108. В. П. Шилов Калиновский курганный могильник / Древности Нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Том I. // *Материалы и исследования по археологии.* – М.; Л., 1959. – № 60. – С. 323–523.

V. P. Shilov Kalinovskij kurgannyj mogil'nik / *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. Itogi rabot Stalingradskoj arheologicheskoi ekspedicii. Tom I.* // *Materialy i issledovaniya po arheologii.* – М.; Л., 1959. – № 60. – С. 323–523.

109. Balfet H., Fauvet-Berthelot M. F., Monzon S. *Lexique et typologie des poteries.* Presses du CNRS, 1989. – 148 p.

110. Gertsen A. «A vault with a Byzantine seal in the cemetery of Almalyk (Mangup)» / A. Gertsen // *In Byzantine and Rus' Seals: proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography (Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013).* Ed. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. Kyiv, 2015. – P. 25–33.

111. Gertsen A. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk–dere bei Mangup auf der Krim / A. Gertsen, M. Maczyńska // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa.* – Łódź, 2000. S. 522–544.

112. Gertsen A. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk–dere am Fuss des Mangup – plateau / A. Gercen, M. Maczynska, S. Černýč, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemman, K. Schneider, I. Jakubczuk // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches.* – Mainz: Verlag RZGM, 2013. – S. 125–141.

113. Dobrzańska H. *Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. krakowskie.* Cz. 1. Materiały, Wrocław – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 1990.

114. Maczyńska M. The Early Mediaeval Cemetery of Almalyk–Dere near the Foot of Mangup / M. Maczynska, J. Urbaniak, I. Jakubczuk // *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period.* – Kristiansand, Simferopol, 2011. – P. 154–175.

115. Maczyńska M. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk–dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim / M. Maczynska, A. Gercen, O. Ivanova, S. Černýč, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemman, K. Schneider, I. Jakubczuk. – Mainz: Verlag RZGM, 2016. – 205 s.

116. Rice P. M. *Pottery analysis.* Chicago and London, 1987. – 529 p.

117. Wolagiewicz R. *Ceramica kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym.* Szczecin, 1993. – 202 p.

Vlasov V. P., Nabokov A. I. Modeled ware from the Almalyk-dere burial ground

The article describes the molded dishes of the burial ground of the 4th-7th centuries. AD Almalyk-dere, located in the South-Western Crimea. A comparative typological analysis of this group of archaeological finds, in general, demonstrates its general cultural unity with molded dishes from other Crimean burial grounds of the late Roman and early medieval times, with the presence of certain differences. Common features are manifested in the technique and technology of production of stucco products, as well as in the composition and structure of the ceramic complex, and differences are in the morphology and ornamentation of vessels. The study of Almalyk molded dishes allows us to say that the emergence of the burial ground is associated with the arrival of a group of new population in southwestern Taurica, consisting of the numerically predominant Alans, as well as Germans and, obviously, some part of the Bosphorans and late Scythians.

Keywords: Crimea, molded dishes, late Roman times, early Middle Ages, alans, germans.